

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ ДЛЯ ОСИРОТЕВШИХ НОСОЧКОВ

Мари
Варей

Правила счастливой жизни

Мари Варей

**Счастливая жизнь для
осиротевших носочков**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.133.1- 31
ББК 84(4Фра)- 44

Варей М.

Счастливая жизнь для осиротевших носочков / М. Варей —
«Издательство АСТ», 2019 — (Правила счастливой жизни)

ISBN 978-5-17-152101-1

Судя по всему, у Алисы все хорошо (или почти хорошо). На самом деле она больше не спит без снотворного, страдает обсессивно-компульсивным расстройством и испытывает тревогу. Американка только что приземлилась в Париже, у нее есть только одна цель: начать с нуля и восстановить себя. Затем она соглашается работать в стартапе, управляемом причудливым молодым генеральным директором, чей проект оказывается... мягко говоря, немного странноватым: он хочет собрать пары из разрозненных носков со всего мира. Девушка еще не подозревает об этом, но встречи, которые скоро произойдут, перевернут ее жизнь с ног на голову.

УДК 821.133.1- 31

ББК 84(4Фра)- 44

ISBN 978-5-17-152101-1

© Варей М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Дневник Алисы	8
2018 ОСЕНЬ	9
Дневник Алисы	14
Дневник Алисы	25
Дневник Алисы	28
Дневник Алисы	35
Дневник Алисы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мари Варей
Счастливая жизнь
для осиротевших носочков

© Charleston, une marque des éditions Leduc.s, 2019

© Зубарева А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

СЧАСТЛИВАЯ
ЖИЗНЬ ДЛЯ
ОСИРОТЕВШИХ
НОСОЧКОВ

Винсенту, большой любви всей моей маленькой жизни.

Нет случая – есть только встречи.

Поль Элюар

Успех – это умение двигаться от одной неудачи к другой, не теряя энтузиазма.

Уинстон Черчилль

Дневник Алисы

Лондон, 20 августа 2011 года

Сегодня утром у меня состоялся первый сеанс у психотерапевта. Честно говоря, идти к нему мне хотелось даже меньше, чем плавать в Темзе. Перед шикарным зданием в Ноттинг-Хилле, где располагался врачебный кабинет, у меня сдали нервы. Я закурила. Впервые за восемнадцать месяцев. Потом выбросила остаток пачки и по дороге домой побрызгалась духами, чтобы Оливер не узнал.

Оливер только что вернулся с работы. Сейчас он в прихожей. Слышу, как он снимает пальто, и по запаху понимаю: он принес рыбу с картофелем, которые купил в пабе на первом этаже нашего дома. Оливер подошел к вопросу культурной интеграции крайне серьезно: с тех пор, как мы переехали в Лондон, он живет по всем туристическим стереотипам: пьет только темное пиво, три раза в неделю ест рыбу с картофелем фри, так называемые «фиш-энд-чипс», завтракает красной фасолью и в пять часов пьет чай с молоком. Не удивлюсь, если в один прекрасный день мой благоверный облачится в форму королевских гвардейцев и поведет меня в Букингемский дворец.

В отличие от него я... Я скучаю по Америке и мечтаю туда вернуться. Оливер не знает. Я не говорю.

Надо сказать, все прошло не так уж плохо. Я про сеанс. Вообще-то психотерапевт мне не совсем нужен, но если так Оливеру будет спокойнее... Психотерапевт говорила очень мало: спросила о том, что меня беспокоит, а потом, как ни странно, велела писать.

– О чем? – Я приоткрыла от удивления рот. – Я не умею...

– Я не прошу вас написать роман, Алиса. Попробуйте вести дневник. Пишите о своей жизни.

– Зачем?

– Вам станет легче. К тому же изложение мыслей на бумаге поможет выявить скрытые или подавляемые чувства.

– Мне не о чем писать. Я обычная девушка.

– Что вы подразумеваете под словом «обычная», Алиса?

– Со мной никогда ничего не происходит.

– Тогда попробуйте метод автоматического письма. Записывайте все, что придет в голову.

По наитию. К следующему сеансу напишите две страницы.

И вот – я купила блокнот. Не столько из-за психотерапевта, сколько потому, что мне понравилась обложка: она бирюзовая в желтый горошек, с цитатой: «Нет случая – есть только встречи».

Ладно. Все равно мне не о чем писать, поскольку факт остается фактом: со мной никогда ничего не происходит.

2018 ОСЕНЬ

*Я так устала играть по правилам,
Придерживать двери, быть вежливой,
Я не такая, какой меня видят.
Прости, малышка, мне нужно освободиться.*

Скарлетт С.-Р. и «Синий Феникс», «Освободи меня»

Цифры на электронных часах, стоящих на прикроватной тумбочке, меняются с 5:44 на 5:45. Не включая свет, сажусь в постели. Потягиваюсь (три секунды), отсоединяю телефон от зарядки (четыре секунды) и отключаю режим полета (еще две секунды). Потом кладу телефон на тумбочку, между пузырьком со снотворным и стаканом воды, и аккуратно выравниваю по краю – так, чтобы он лежал ровно в десяти сантиметрах от тюбика с кремом для рук. Тянусь за стаканом и...

Нашупываю пустоту. Один, два, три...

Нет ни стакана. Ни крема.

Мне нечего выравнивать. Порядка здесь нет.

Только хаос.

«Дыши, Алиса».

Выключатель не на месте. Ищу его, лихорадочно шаря по стене, и наконец включаю свет. Это не моя кровать, не моя тумбочка, не моя спальня. Чувствую, как влажнеют ладони. Меня словно парализовало. Не могу думать. Нужно дышать. Я опаздываю. Чтобы быть в офисе к семи, нужно приехать на станцию Уолл-Стрит в 6:53, для этого нужно спуститься в метро не позднее 6:32 и, следовательно, выйти из дома в 6:24, но и тогда я успею, только если светофор на пересечении улиц Уильям-стрит и Пайн-стрит загорится зеленым меньше чем за минуту...

Чтобы все шло по плану, необходимо встать в 5:46.

Однако сейчас уже 5:47.

Из глубины воспоминаний всплывает голос Анджелы, тихий и успокаивающий.

«Дыши, Алиса».

5:48. Внезапная паника рассеивает туман снотворного. Я никогда не опаздываю. Никогда. Вот уже четыре года, шесть месяцев, две недели и четыре дня я прихожу на работу ровно в семь утра. Я не могу прийти в 7:04 и тем более в 7:13.

Машинально обхватываю левой рукой правое запястье. Прикосновение к покрытым патиной подвескам, свисающим с браслета, навевает воспоминания о шелесте волн, ласкающих мокрый песок на пляже Наррагансетт, о запахе соленого бриза. Запахе счастья из моего детства. Слышу шум океана, шепот ветра и крики чаек, перемежающиеся с гудками паромов, следующих на остров Блок. Глубоко вдыхаю, считаю до четырех и медленно выдыхаю.

В ушах снова звучит успокаивающий голос Анджелы.

«Дыши, Алиса. Все будет хорошо». Один. Задерживаю дыхание.

Два. Вспоминаю: я в отеле. Три. Я в 3623 милях от Нью-Йорка. Нет. Здесь расстояние измеряется в километрах.

Я в 5834 с хвостиком километрах от дома. Я в Париже.

Четыре. Я не опаздываю на работу. У меня больше нет работы.

Давление на грудь ослабевает. Воздух возвращается в легкие. Открываю глаза. К номеру отеля не придираться: он чистый, белый, аккуратный. Здесь царит идеальный порядок: стул

перед столом стоит ровно, как и меню обслуживания номеров, заточенный карандаш лежит параллельно блокноту...

Все хорошо.

Я никуда не опаздываю. Единственная встреча назначена только на десять. Сегодня мир не рухнет.

Три недели – ровно столько у меня не случалось панических атак. Анджела оказалась права: опасно было уезжать так поспешно. Слишком много эмоций, слишком много перемен, с которыми надо справиться. Но мне пришлось уехать. У меня не было иного выбора.

Тщательно застилаю кровать, несколько раз проверяю, не осталось ли складок. Идеально ровно раскладываю подушки и смахиваю микроскопические пылинки с кремового покрывала. Горничная не справилась бы лучше. Наверное, она решит, что я сумасшедшая или дура. И будет права.

Тебе не нужны эти ритуалы, Алиса. Ты должна научиться справляться с приступами паники. Должна взять себя в руки, чтобы казаться нормальной. Обычной.

Ценой невероятных усилий заставляю себя раскидать подушки, сдернуть одеяло и смять простыни. Стараюсь не смотреть на складки и угол откинутого одеяла – угол хаоса в идеальном квадрате кровати. Я должна начать новую жизнь, ради этого я пересекла Атлантику. Здесь я могу быть обычной девушкой. Обычной девушкой, с которой никогда ничего не случается.

* * *

10:04. Женщина, назначившая мне встречу, опаздывает на четыре минуты. Двести сорок секунд моей жизни потрачены впустую. Сгинули в небытие.

В одном часе шестьдесят минут. В одной минуте шестьдесят секунд.

Поправляю хвост – в десятый раз. Мне никак не понять опозданий: чтобы прийти вовремя, нужно всего-то вовремя уйти. Пространственно-временной континуум, в котором я живу, априори не отличается от пространственно-временного континуума, в котором живут остальные люди, но, похоже, во всем мире только я постигла великую тайну бытия, которую подавляющему большинству человечества еще предстоит осознать.

Время в пути = время, затраченное на транспорт + время, затраченное на пешее передвижение + несколько минут в запасе.

Наше время на исходе. Порой мне кажется, что одна я знаю эту страшную истину, поэтому мне хочется предостеречь тех, кто попусту тратит самый драгоценный дар, который дала нам Вселенная, а именно: время. Мне хочется сказать: вы ведь осознаете, что однажды мы умрем? Жизнь коротка, она быстро подходит к концу, на счету каждое мгновение! Время уходит, в прошлое нельзя вернуться, нам остаются лишь сожаления, похожие на осколки ракушек, выброшенных волнами на берег...

Все, хватит.

Дыши, Алиса.

Подумай о чем-нибудь другом.

Вокруг серость, сплошная серость, которой нет конца. Мелкий дождь влажной вуалью падает на лицо, а я расстегиваю пальто.

Пасмурное парижское небо низко нависает над землей, но температура – не ниже пятидесяти градусов по Фаренгейту. Сколько это по Цельсию? Нужно научиться использовать шкалу Цельсия. Со станции «Бельвиль» длинной вереницей тянется огромная толпа людей, мужчин и женщин, их зонтики серо-черными цветами распускаются один за другим. Рядом со мной

спотыкается девушка, и я едва успеваю подхватить ее под локоть. Она беременна. Я взволнованно спрашиваю:

– Вы не ушиблись?

– Нет-нет. Все хорошо.

Явно опаздывая и потому нервничая, девушка наклоняется, чтобы собрать содержимое своей сумочки, которое высыпалось на тротуар. Тороплюсь ей помочь.

– Давайте я. Не наклоняйтесь.

Поднимаю ее вещи: телефон, пачку салфеток, ручку и несколько монеток.

– Спасибо, – говорит девушка, с облегчением вздыхая. – У меня так ноет спина...

Мы обмениваемся улыбками, и на короткое мгновение ее теплое выражение лица заставляет меня успокоиться. Подавляю порыв дотронуться до округлого живота, растянутого заключенной в нем маленькой жизнью. Пожелав мне хорошего дня, девушка исчезает в потоке людей, и я снова сама по себе. Чувствую, как под ногами вибрирует метро. Два миллиона двести тысяч жителей. Париж урчит, шевелится в своей вечной суете. Я поступила правильно, приехав сюда. Париж – идеальное место, чтобы исчезнуть, затеряться в толпе безликих прохожих, забыться и быть забытой.

– Алиса Смит?

Передо мной стоит невысокая женщина чуть за пятьдесят. Выглядит она элегантно: бежевый плащ, седеющие волосы собраны в пучок-улитку и зафиксированы лаком. Я протягиваю ей руку.

– Да. Здравствуйте.

– Я Джейн Томпсон из агентства «Филд и Томпсон», – говорит женщина на идеальном английском. – Мы разговаривали по телефону.

– Рада встрече.

– Пойдемте, – властным тоном говорит она, раскрывая над моей головой шотландский зонт. – Как видите, до метро рукой подать.

Но я хотела другого, поэтому, откашлявшись, говорю:

– Вообще-то я думала о квартире поближе к Марэ или Монмартру...

Она останавливается и громко смеется.

– А почему сразу не в Диснейленде? Знаю, американцы любят Марэ и Монмартр, но это очень туристические места. В Марэ по выходным столько людей, что не протолкнуться, а Монмартр далеко от центра. К тому же там полно туристов и карманников. И потом, учитывая ваш бюджет, об этом не стоит и думать...

– Вот как.

Прячу разочарование под сокрушенной улыбкой. Я наивно представляла себя в мансардной квартире с открытыми деревянными балками и видом на базилику Сакре-Кер, и теперь мне стыдно, что я выгляжу стереотипной американкой.

Мы проходим мимо китайской закуской, прачечной и греческого ресторана, в витрине которого видно, как с вращающегося на вертеле мяса капает жир. Вспоминаю фотографии украшенного подсветкой музея Орсе и сада Пале-Рояль с колоннадами, обрамленными аркадами. Нам рассказывали о них на уроках французского. Тогда я и узнала про «стиль Османа». Прекрасно помню определение этого термина, которое стояло в моем американском учебнике под изображением величественного здания с длинными балконами из кованого железа: «Архитектурный стиль Парижа, созданный префектом Сены бароном Османом в середине XIX века».

Однако, учитывая постапокалиптическое состояние моего банковского счета, стоит забыть улицу Риволи, Монмартр и Марэ, поэтому я решаю довериться Джейн Томпсон.

Она останавливается перед домом с облупившейся краской, втиснутом между школой и магазинчиком восточных сладостей, вводит код и пропускает меня внутрь.

– Квартира находится на бывшем служебном этаже. Там светло и очень тихо, вот увидите.

Госпожа Томпсон энергично трясет зонтом, забрызгивая потрескавшуюся плитку, которой выложен холл. Мы направляемся к лифту и поднимаемся на шестой и последний этаж, откуда попадаем в небольшую квартиру. Гостиная переходит в оборудованную по последнему слову техники кухню. Как объяснила госпожа Томпсон, во Франции такую планировку называют «американской кухней», и добавила, что здесь я буду чувствовать себя «как дома».

– После предыдущего жилья в квартире сделали ремонт. Вся мебель новая и функциональная: диван, встроенный шкаф, современная звуковая система с двумя колонками... Благодаря мансардному окну в спальне светло даже в непогоду. Ванная комната – три квадратных метра, но ванна вмещается. Как видите, квартира маленькая, но светлая и чистая.

Распахиваю единственное в гостиной окно и выглядываю наружу. Мне открывается вид на расположенную по соседству начальную школу. Слышу городской шум и редкие гудки клаксонов, тонушие в шелесте дождя. Мне вспоминается Манхэттен с его непрекращающимся пением сирен и гудением работающих летом кондиционеров. Не уверена, что эта квартира мне нравится, но ее холодная строгость действует успокаивающе. Пронзительно звенит звонок, и на детскую площадку выбегает толпа детей в разноцветных шапочках. Дети принимаются играть под дождем, симфония их радостных возгласов вызывают у меня искреннюю улыбку – первую за все время, что я в Париже. Внезапно квартира становится уютнее. Возможно, все дело в детском смехе, но теперь мне кажется, что здесь пахнет горячим шоколадом...

Снова обхожу комнаты, чувствуя на себе взгляд госпожи Томпсон. Похоже, мой строгий черный костюм и собранные в аккуратный хвост волосы внушают ей доверие.

– Сколько квартир вы уже посмотрели?

– Эта первая. Можно ли убрать из гостиной динамики? Они занимают много места.

– Я поговорю с хозяйкой квартиры. Не думаю, что она станет возражать.

– А еще у меня есть кот. Хозяйка не будет против?

– Нет, что вы! – с широкой улыбкой отзывается госпожа Томпсон. – Хозяйка обожает животных, да и я тоже! Как зовут вашего кота?

– Дэвид, – говорю я, закрывая окно.

Вижу, как госпожа Томпсон удивленно округляет глаза. Должно быть, она думает, что давать животным человеческие имена – типично американская причуда.

– Я хочу въехать, и как можно скорее. Сколько стоит аренда?

– Тысяча сто евро, включая коммунальные услуги... Знаю, это превышает ваш бюджет, но Париж – очень дорогой город, и...

– Мне подходит.

Вранье. Тысяча сто евро – это ужасно дорого, нужно побыстрее найти работу, но я справлюсь. Пора двигаться вперед. В любом случае, проживание в отеле обойдется куда дороже. К тому же мне нужно забрать Дэвида из гостиницы для животных, где я оставила его вчера, потому что отель не принимает постояльцев с кошками.

– Хорошо. Если паспорт у вас с собой, то к завтрашнему дню договор будет готов...

– Отлично.

– Однако во Франции к договору аренды строгие требования. Мне понадобятся гарантии вашей платежеспособности: платежные и налоговые ведомости, выписка с банковского счета... Еще я бы хотела связаться с вашими предыдущими арендодателями...

Три эдельвейса, стакан молока ламы и благословение Папы Римского в придачу... Задумываюсь и через некоторое время делаю вид, что понимаю ее.

– Я могу дать телефон своего нью-йоркского арендодателя.

– Отлично! Если вы снимали жилье у нескольких людей, то, пожалуйста, дайте контактные данные их всех. Чем больше гарантий, тем выше шансы, что вашу кандидатуру одобряют.

Снова задумываюсь.

– Несколько лет назад я жила в Лондоне. Если нужно, я вышлю вам номер бывшего домовладельца.

– Ах, Лондон! Чудесно! Да, давайте так и сделаем. – Госпожа Томпсон облегченно вздыхает, словно географическая близость с Великобританией делает мои гарантии более надежными. У меня от одного упоминания Лондона разрывается сердце, но я стискиваю зубы и вежливо улыбаюсь.

Дневник Алисы

Лондон, 22 августа 2011 года 19:05

Ладно.

Раз психотерапевт хочет, чтобы я вела дневник, то я буду его вести. Всего-то и нужно, что записывать слова одно за другим. Ничего сложного. Пусть никто не говорит, что я не старалась.

Теперь передо мной дилемма: как начать? Со слов «дорогой дневник»? Или обратиться к воображаемой подруге? Для этого надо подыскать приятного собеседника. Вот только кого? О, может, так: «Уважаемая профессор МакГонагалл...»

Нет. Звучит жутко.

Тогда... может, мне подойдет какой-нибудь красавчик-актер? «Дорогой Райан Гослинг...» Или актер, который всем своим видом внушает доверие? «Дорогой Брюс Уиллис...»

Получится ли у меня рассказать историю своей жизни Брюсу Уиллису?

Уж лучше ему, чем профессору МакГонагалл.

Перечитала первые строчки. Пожалуй, Оливер не зря отправил меня к психотерапевту. Мне явно нужна помощь.

The End.

20:20

Дорогой Брюс Уиллис!

Отставить панику, я здесь.

Сейчас я лежу на кровати. Оливер сидит за компьютером, работает. Как и каждый вечер. Я заварила себе травяной чай и нашла в Википедии определение автоматическому письму. «Автоматическое письмо – это метод написания текста, в котором не задействованы ни сознание, ни воля».

Итак, речь о том, чтобы писать что угодно, как угодно. Это мне по силам.

Так вот, Брюс (можно называть тебя просто Брюс?), методом автоматического письма, то есть не задействуя ни сознание, ни волю, я расскажу, во что превратилась моя жизнь.

У меня больше тестов на беременность, чем в аптеке. На холодильнике висит календарь, где я красным сердечком обвела каждую овуляцию. Мне стыдно, но пусть Оливер знает, в какие дни мы должны заниматься любовью. Поправочка: в какие дни мы должны пытаться зачать ребенка. Мы больше не занимаемся любовью – мы пытаемся зачать ребенка. Секс превратился в рутину, в кропотливое занятие с неутешительным результатом. Даже жгучий взгляд твоего коллеги Клайва Оуэна больше не пробуждает во мне желание.

Моя жизнь разделилась на два периода: я либо жду овуляцию, либо жду менструацию. Отмечаю симптомы во всевозможных мобильных приложениях и могу предсказать каждое из этих двух событий с точностью до нескольких минут.

К слову, совершенно бесполезная способность.

Этап первый. Дни, следующие за запланированным половым актом, – настоящее испытание, потому что я только и делаю, что думаю о гонке сперматозоидов, которая происходит у меня в матке. С пылом болельщицы из группы поддержки «Нью-Йорк Янкис» я мысленно подбадриваю одного из них, представляя, как он вырывается вперед, ловко обгоняя своих товарищей. Тем временем моя дурацкая яйцеклетка, глупо улыбаясь, прыгает по фаллопиевым трубам в ожидании «того самого», которого, похоже, никогда не дождется.

Этап второй. Я внушаю себе тошноту, усталость и ноющую боль внизу живота. Посреди ночи мне хочется съесть шоколадную помадку со взбитыми сливками (что, конечно, не явля-

ется стопроцентным доказательством беременности, потому что нормальные люди хотят шоколадную помадку со взбитыми сливками в любое время суток).

Этап третий. Я убеждена, что забеременела, из-за чего начинаю третировать Оливера (это гормоны), есть за четверых (на случай, если у меня тройняшки) и перестаю покупать тампоны (ближайшие девять месяцев они мне не понадобятся). Это происходит до теста на беременность, за день до предполагаемого начала менструации (для которой, о ужас и проклятие, у меня нет тампонов).

Этап четвертый. В последний день цикла встаю на рассвете и, стараясь не разбудить Оливера, запираюсь в туалете. Вежливо улыбаюсь малышу, который с улыбкой серийного убийцы (моих надежд) взирает на меня с упаковки теста, и приношу свои извинения испытуемому за то, что собираюсь на него пописать. Я пытаюсь добиться его расположения, потому что тестам на беременность свойственен дух противоречия. Они говорят «да», когда мы надеемся услышать «нет», и «нет», когда надеемся на «да». Следующие три минуты, которые кажутся столетиями (причем не самыми веселыми столетиями, а веками эдак десятым-двенадцатым, где творятся ужасы в стиле «Игры престолов»), я жду приговора.

Сижу на унитазе, не удосужившись подтянуть трусики, отсчитываю секунды, гляжу на маленькое белое окошко и молю всех богов о том, чтобы там появился «плюс». Хоть яркий, хоть размытый. Я хочу хоть какой-нибудь «плюс».

Но «плюс» мне не светит.

Считаю до десяти, чувствуя злость при мысли о том, сколько женщин по всему миру сейчас плачут, увидев положительный результат, и прыгают от радости, увидев отрицательный. Жизнь несправедлива, более того – совершенно абсурдна.

Оливер ждет за дверью. Молчу – реки слез говорят сами за себя. Оливер заключает меня в объятия, уверяет, что ничего страшного не произошло, что мы еще молоды, что у нас есть время... В конце концов, двадцать шесть – это очень рано, чтобы рожать ребенка. Проблема в том, что ему на десять лет больше.

Иногда я достаю из мусорного ведра тест, скрытый под банановой кожурой. На тот случай, если результат вдруг изменился.

«Плюса» по-прежнему нет. Мы вернулись к первому этапу.

Позволяю себе выкурить сигарету, всего одну (иногда две, но никогда – три), чтобы успокоиться, и начинаю сначала. Тест на овуляцию по утрам, фолиевая кислота, йога для зачатия, говяжье сердце в холодильнике...

Анализы на гормоны, УЗИ и другие обследования (избавлю тебя от медицинских подробностей, Брюс) не выявили никаких отклонений. Оливеру повезло больше: от него потребовалось лишь разок помастурбировать на порно восьмидесятых.

Положительная сторона (Оливер призывает меня во всем искать положительную сторону): теперь у меня есть панорамное изображение полости моей матки, которое мы сможем посмотреть всей семьей лет эдак через десять.

Я бросила пить и (почти) бросила курить, отказалась от кофе, черного чая и фастфуда. Я ложусь в десять вечера и приступаю к медитациям. Пичкаю себя маслом вечерней примулы, фолиевой кислотой, железом, фруктами, разными семенами. Здоровее меня только далай-лама. К сегодняшнему дню я успела побывать у физиотерапевта, остеопата, гипнотизера и даже тренера по яичникам, который утверждает, что является реинкарнацией ацтекского жреца. Я молилась и плакала. Но ничего не помогает. Семнадцать месяцев попыток, а я так и не забеременела.

* * *

Мне одобрили заявку на аренду квартиры. С кошачьей переноской в одной руке и чемоданом в другой спускаюсь в метро и еду на станцию «Бельвиль». В Нью-Йорке улицы мало того что пронумерованы, так еще расположены перпендикулярно или параллельно друг другу. Упорядочены. Париж, в свою очередь, полон витиеватых улиц, которые беспорядочно перерастают одна в другую. Немного поплутав, наконец добираюсь до агентства недвижимости. Договор аренды готов – осталось только подписать.

Джейн Томпсон приветствует меня широкой улыбкой.

– Алиса, я вас ждала! Возвращаю вам паспорт. Оказывается, ваше полное имя – Алиса Смит-Ривьер. Вы случайно не родственница Скарлетт Смит-Ривьер?

Отвожу взгляд, чувствуя крайнюю неловкость.

– Знаете, в одной только Америке живет более двух миллионов Смитов, да и Ривьер – распространенная во франкоязычных странах фамилия... С точки зрения статистики фамилию Смит-Ривьер носят тысячи человек...

– Неужели? В любом случае спасибо, что сообщили телефон своего бывшего домовладельца из Лондона. Чудесный человек! Он хотел вам что-то переслать, поэтому я дала ему ваш новый адрес.

Удостоверившись, что я не собираюсь устраивать в квартире наркопритон, госпожа Томпсон превратилась в само очарование. Она восторгается Дэвидом, который довольно мурлычет, пока я читаю и подписываю договор, а потом передает мне три комплекта ключей от моего нового дома.

По прибытии быстро распаковываю чемодан. Я взяла с собой только самое необходимое, большая часть моих вещей все еще плывет в контейнере по Атлантике. Отношу подстилку Дэвида в спальню и кладу у изножья кровати, а лоток ставлю в гостиную, у окна. Дэвид некоторое время расхаживает по квартире походкой балетного танцора и настороженно оглядывается, а потом запрыгивает на диван и сворачивается в клубочек. Чешу ему загривок, испытывая облегчение при виде его довольной мордочки.

– Надеюсь, тебе здесь понравится.

Спускаюсь в супермаркет за замороженной лазаньей. Ставлю ее в микроволновую печь. К тому времени, как я выхожу из душа – в одном полотенце, с расчесанными, но все еще мокрыми волосами, – лазанья уже готова. Надеваю пижаму, сажусь за ноутбук и просматриваю электронную почту.

Отправитель: Софи Анри

Получатель: Алиса Смит

Дата: 5 сентября 2018 года

Тема сообщения: Результаты собеседования

Уважаемая Алиса,

Несмотря на позитивное впечатление от собеседования, с сожалением сообщая, что ваша кандидатура не соответствует текущей открытой позиции в компании «Брит Файнанс».

Хорошего дня и удачи в поисках работы!

Софи Анри

Менеджер по подбору персонала «Брит Файнанс»

Четырежды перечитываю письмо, уговаривая себя не расстраиваться. Один отказ, подумаешь! Это не единственное собеседование, на которое я ходила, у меня есть другие варианты. Не все получается с первого раза. Принимаюсь изучать остальные письма. От корки до корки

проглядываю каждую рекламу, каждый спам и даже автоматические сообщения. Анджела закатила бы глаза, но она всегда была сильнее меня. Говорят, что один-единственный взмах крыльев бабочки в Токио может вызвать ураган в Техасе, а значит, если мне что-то прислали, то нужно это прочесть. Если я пропущу что-нибудь важное, на другом конце света может случиться катастрофа. Не найдя в почте ничего жизненно важного, отписываюсь от рассылки новостей, ложусь и аккуратно раскладываю на ночном столике крем для рук, пузырек со снотворным и стакан воды.

Дождь закончился, поэтому я открываю окно. Проглатываю таблетку и в оцепенении вслушиваюсь в отголоски шума, что исходит от бетонных зданий. До меня доносятся голоса людей, которые живут вместе, вместе едят, спорят или любят друг друга. Меня охватывает грусть. словно почувствовав мое одиночество, Дэвид подходит ко мне, сворачивается клубочком и ласково трется носом о мою щеку. Благодарно обнимаю его и пою ему колыбельную. Снотворное начинает действовать, и я наконец проваливаюсь в сон без сновидений.

* * *

Войдя в квартиру, закрываю за собой дверь и глубоко вздыхаю. Мне никогда не найти работу во Франции! Аккуратно ставлю туфли у стены, иду в гостиную, падаю на диван и, чтобы успокоиться, беру на колени мурлыкающий пушистый комочек.

Я пришла с очередного собеседования, куда получила приглашение после десятков откликов, которые отослала еще из Нью-Йорка. Меня даже не выслушали: сотрудница отдела кадров с извиняющейся улыбкой объяснила, что они уже взяли на это место другого человека и забыли отменить нашу встречу. Проглотив гордость и слезы, комком подступившие к горлу, я ответила: «Ничего страшного. Пожалуйста, дайте знать, если у вас появится другая вакансия», вышла на улицу и только потом расплакалась.

Прошло десять дней с тех пор, как я приехала в Париж, и пока мне приходят одни только отказы. Это собеседование было моей последней надеждой. Утыкаюсь лицом в пушистый загривок Дэвида и снова вздыхаю.

– Как думаешь, меня когда-нибудь возьмут на работу?

Чувствую, как на меня наваливается усталость последних нескольких недель. Приходится призвать на помощь все силы, чтобы раздеться и залезть в горячую ванну. Перебираю пальцами ароматную пену, пытаюсь привести в порядок мысли. С тяжелым сердцем вспоминаю Нью-Йорк и оставшуюся там жизнь. Все мои сбережения, все состояние, накопленное за четыре года упорной работы, испарились незадолго до отъезда из Штатов. Мой боевой дух омрачает истощение, а те крохи оптимизма, которые у меня оставались, растворяются в мыльной воде.

Закутавшись в халат, возвращаюсь в спальню. Ноутбук звуковым сигналом оповещает меня о новом сообщении. Головная боль усиливается – если раньше она давила между глазами, то теперь проникает в самые виски. Чем дольше копится усталость – тем выше вероятность того, что у меня случится паническая атака. Но полученное сообщение необходимо прочитать. Это правило, а правила нужно соблюдать. Всегда.

Вижу, что какой-то незнакомец написал мне в LinkedIn.

Отправитель: Кристоф Лемуан

Получатель: Алиса Смит

Дата: 10 сентября 2018 года

Тема: Трудоустройство

Здравствуйте, Алиса!

Судя по LinkedIn, вы ищете работу в Париже. Я – основатель стартапа с большим потенциалом. На сегодняшний день цель и бизнес-модель этого стартапа являются конфиденциальными, поэтому я пока не могу раскрыть подробностей. Однако ваша кандидатура может представлять интерес для нашего проекта.

Если вы все еще находитесь в поиске работы, то давайте встретимся завтра в 9:30 в деловом центре «Спейс», который находится по адресу: улица Рю дю Май, 75002 Париж.

С уважением,
Крис Лемуан

Перечитываю письмо четыре раза. Никакой информации ни о компании, ни о должности. В моем онлайн-резюме указано, что я работала в сфере слияния и приобретения в престижных инвестиционных банках. Это означает, что у меня совсем нет опыта в области корпоративных финансов и уж тем более – в управлении стартапами. Не представляю, чем мое резюме могло привлечь интерес такого человека, как Кристоф Лемуан.

Но он назначил мне встречу. В конкретное время.

В конкретном месте.

Если я откажусь, то нарушу его планы, что, в свою очередь, может отразиться на планах других людей. Нарушение установленного порядка может привести к хаосу. Кто-нибудь... скажем, отец семейства выйдет из дома раньше, чем должен был (потому что встреча с ним перенесется) и попадет под колеса проезжающего мимо такси. Или того хуже – под колеса попадет коляска с его ребенком...

Стоп. Хватит.

На меня накатывает легкая тошнота, и по затылку расплзается тягучая, словно патока, мигрень.

Это все – просто мысли у меня в голове. Нельзя им поддаваться.

Не думать о катастрофе!

По привычке обхватываю запястье пальцами. Браслета там нет. Я сняла его перед тем, как принять душ. Подпираю лоб дрожащими руками. Я не имею права нарушать установленный Вселенной порядок. Нужно действовать в соответствии с ее планами. Всегда. «Это неправильно. Жизнь состоит из череды непредвиденных событий», – шепчет мне далекий голос Анджелы. Считаю – медленно, на вдохе.

Раз, два, три, четыре. Выдох.

Мне нужна работа, любая. В противном случае придется занять денег у Анджелы, и она начнет переживать. А я меньше всего хочу портить ей жизнь своими проблемами.

Отправитель: Алиса Смит

Получатель: Кристоф Лемуан

Дата: 10 сентября 2018 года

Тема: Re: Трудоустройство

Здравствуйте, Кристоф,

Спасибо за сообщение. Буду рада с вами завтра встретиться.

Алиса Смит

Всего 13:17, а я падаю от усталости. Перед глазами вспыхивают черные точки, словно я в ночном клубе. Задерживаю шторы, отгораживаясь от школьного двора. Скоро прозвенит звонок на перемену. Аккуратно складываю одежду, потом раскладываю и снова складываю – и так четыре раза, пока не получается идеально, без единой складочки. Ставлю стул у стены, выравниваю его, потом выравниваю снова... Стоп. Проскальзываю под одеяло и глотаю таблетку. Дэвид устраивается рядом и прижимается ко мне.

Когда я просыпаюсь, уже ночь. Кризис миновал, эта паническая атака была в легкой форме, хотя случилась опасно скоро после предыдущей. Захожу на «Деливери» и заказываю чизбургер с беконом и картофель фри, покрытый расплавленным чеддером. Думаю об Анджеле, которая последние четыре года безуспешно пыталась заставить меня перейти на правильное питание. Но со вчерашнего дня у меня во рту не было ни крошки, и сейчас во время еды мне хочется притвориться, что я все еще в Соединенных Штатах.

Разве не странно, что этот Крис Лемуан написал мне именно тогда, когда я была готова впасть в отчаяние? «Забавное совпадение», – сказал бы тот, кто верит в совпадения. Но я не верю. Я не верю ни в совпадения, ни в случайности, ни в везение. Я верю, что события идут тем чередом, каким должны идти по замыслу Вселенной. Верю в мир неумолимого порядка, где каждой, даже совсем малюсенькой детальке отведено свое место и своя роль и где малейшая песчинка может вывести механизм из строя. Взмах крыльев бабочки в Токио может вызвать катаклизм на другом конце планеты и все такое.

Я завариваю чай и ищу Кристофа Лемуана в LinkedIn. Как ни странно, ему потребовалось восемь лет, чтобы закончить бакалавриат одного очень уважаемого в Монреале университета. С тех пор он основал девятнадцать стартапов. Удивленно вскидываю бровь при виде этого впечатляющего списка и принимаюсь гуглить названия одно за другим.

Судя по всему, Кристоф Лемуан – изобретатель. В числе его изобретений складной коврик для путешествий, салфетки, пригодные для вторичной переработки, приложение, которое может интерпретировать форму облаков. А еще он фееричный неудачник: все девятнадцать его проектов потерпели неудачу. Технические проблемы, финансовые проблемы, проблемы с бизнес-моделью, юридические проблемы, проблемы из-за «пиратства»... Единственный стартап, которому удалось привлечь внимание прессы, предлагал решение в сфере информационной безопасности. Он должен был защитить конфиденциальные данные, однако вместо этого в ходе сбоя разослал их по электронной почте вместе с ежедневной рассылкой примерно десятку тысяч контактов. Стоит ли говорить, что вышеупомянутые отзывы прессы были далеко не положительными? Настойчивость этого отчаянного изобретателя заставляет меня улыбнуться. Сколько себя помню, я всегда питала слабость к людям, которые не сдаются. Раздается звонок. Открываю дверь, забираю у курьера бумажный сверток, благодарю и протягиваю чаевые, за которые он благодарит меня. Потом возвращаюсь в комнату, сажусь перед экраном ноутбука и добросовестно проглатываю еду до последнего кусочка картошки фри, просматривая фотографии улыбчивого молодого предпринимателя. Дэвид тоже смотрит на него с любопытством. Спрашиваю у него:

– Этот Кристоф кажется приятным. А ты что думаешь?

В ответ Дэвид сворачивается клубочком у меня на коленях. Вздыхаю. У меня все равно нет выбора. Те немногие деньги, что у меня оставались, пошли на оплату аренды. Какой бы ни была эта должность, я должна ее получить.

* * *

Новый парижский деловой центр «Спейс» располагается на территории бывшего завода по производству воздушных шариков. На деревянных балках, покрашенных в белый цвет, покоится огромный стеклянный купол. Светлый интерьер, зеленые растения, дизайнерские диваны... благодаря им создается ощущение, что я попала на страницы модного журнала.

Меня встречает улыбающаяся сотрудница лет двадцати пяти, она вручает мне ярко-оранжевый пропуск для посетителей, взяв в залог мои американские водительские права – на тот случай, если мне взбрет в голову украсть пропуск, чтобы продать на «иБэй».

Подтягиваю хвост, поправляю черный пиджак (я в брючном костюме) и пытаюсь с прямой спиной сидеть на чрезвычайно неудобном серебристом пуфике.

– Алиса?

Повернув голову, вижу широко улыбающегося мужчину.

– Да, это я, – говорю, пожимая ему руку.

– Приятно познакомиться. Я Кристоф. Кристоф Лемуан.

У Кристофа крепкое рукопожатие и взлохмаченные в нарочито художественном беспорядке волосы. Он выглядит как образцовый хипстер: блютус-наушники, торчащие в ушах, словно две маленькие белые антенки, кроссовки, которые стоят дороже лабутенов, потертые джинсы, наверняка выбеленные вручную каким-нибудь буддийским монахом из Непала... Карие глаза, скрытые за очками в толстой оправе, кажутся честными и дружелюбными, а улыбка – такая же заразительная, как на его фотографиях, которые я видела в Интернете. Полагаю, в Кристофе есть определенное очарование, однако из-за его одиннадцатиминутного опоздания я остаюсь к нему совершенно равнодушной.

– Пойдем. Что будешь? Кофе? Зеленый чай? Диетическую колу? Лимонад с личи и паприкой?

– стакан воды, пожалуйста.

Следую за Кристофом, который что-то печатает на телефоне. Нервно мну в руках ремешок сумочки, жалея, что не приняла успокоительное. Я провалила все собеседования, потому что подобные ситуации вызывают у меня страх, а из-за страха я выгляжу ледышкой. Если верить обратной связи от отдела кадров, рекрутеры, которые меня собеседовали, «не могли понять, что я собой представляю». Только за маской холодности и сдержанности мне удается скрывать свои тревоги.

– Спасибо, что пришла. Мы переехали сюда три недели назад. Классное местечко, скажи?

Прозрачный лифт поднимается на последний этаж, где перед нами предстает большой опенспейс. Из огромных окон открывается потрясающий вид на базилику Сакре-Кер. Это здание всегда меня очаровывало. Пытаюсь скрыть свой энтузиазм (чтобы не казаться типичной американской туристкой, которая никогда не выезжала дальше родного ранчо), однако невольно замедляю шаг, любясь видом. А вот в опенспейсе беспорядок царит неописуемый: повсюду нагромождения коробок, разбросаны папки и листы бумаги... Вот ракетка для пинг-понга, вот коврик для йоги и... носок. Не понимаю, почему люди даже не пытаются поддерживать порядок. Всего-то и надо, что, использовав предмет, положить его на свое место. Это не так уж сложно. Столкнувшись с таким хаосом, отвожу глаза и пытаюсь сосредоточиться на металлических пластинах, расположенных по периметру окон, – прямые, параллельные друг другу и ровные, они успокаивают.

– Добро пожаловать в ЭверДрим! – объявляет Кристоф, открывая дверь в переговорную, на которой написано «Уголок Стива Джобса».

Вхожу. Небольшой кофейный столик окружают четыре больших дивана. Сидящий на одном из них мужчина с головокружительной скоростью печатает на ноутбуке. При моем появлении он не отрывает взгляда от плоского экрана. Я же не могу отвести глаз от его рук. Меня поражает контраст мужественности, которую они излучают, и изящности, с которой касаются клавиатуры – так музыкант касается клавиш фортепиано. Сажусь и невольно смотрю на экран, где на черном фоне одна за другой бегут зеленые строчки кода – плавно и равномерно, как поток нот.

– Джереми Миллер, мой партнер, – говорит Кристоф, садясь.

– Доброе утро.

– Доброе утро. Ты опоздала, – отвечает мужчина, даже не поднимая глаз.

Более несправедливого упрека я в жизни не слышала. Чувствую, как сжимается горло, и словно со стороны слышу свой сухой ответ:

– Я никогда не опаздываю.

Мой собеседник перестает печатать, поднимает голову и впервые за все время смотрит на меня. Мне становится неловко под этим пронизывающим взглядом. Джереми Миллер одет сдержаннее, чем его партнер: в джинсовую рубашку и бежевые брюки, а его коротко подстриженные темно-каштановые волосы и темная двух-трехдневная щетина подчеркивают ярко-голубые глаза.

– О, это я во всем виноват, – вмешивается Кристоф, протягивая мне бутылочку воды. – Это я заставил Алису ждать. Знаешь, творческие люди всегда опаздывают, – добавляет он, подмигивая мне.

Чувствую, как мышцы спины расслабляются, и заправляю прядь волос за ухо.

– Кстати, Алиса, – вдруг восклицает Кристоф, – я забыл рассказать тебе самое главное: у нас здесь есть бассейн с шариками!

Он смотрит на меня сияющим взглядом, явно ожидая какую-то реакцию. Я, в свою очередь, понятия не имею, что на это ответить. Тогда Кристоф уточняет:

– Как в Икее.

Делаю глоток воды, пытаюсь успокоиться. Я не переживу это собеседование. Мне нужно, чтобы он спросил меня об опыте работы, о моих личных качествах (строгость, аккуратность, упорство, исключительная работоспособность), недостатках (упрямство, замкнутость, легкая тревожность и легчайшее обсессивно-компульсивное расстройство...). Иными словами – чтобы он задавал самые нормальные, обычные вопросы. Вопросы, к которым я подготовилась. Я не могу справиться с неожиданностями. Я не знаю – больше не знаю – как справляться с неожиданностями. Провожу пальцами по браслету, поглаживаю подвески. Думаю о шуме волн. Вдыхаю – как можно тише.

– Ты несколько лет работала в лондонском филиале «Дж. П. Морган Банк», потом устроилась в «Голдман Сакс» в Нью-Йорке, где проработала... – Он запинается, фраза повисает в воздухе, и я машинально ее заканчиваю:

– Четыре года, шесть месяцев, две недели и четыре дня.

Кристоф удивленно округляет глаза, словно я сейчас прочитала рэп-версию гимна Соединенных Штатов. Его партнер снова отрывается от экрана компьютера и с любопытством смотрит на меня. Я закусываю губу.

– Шучу, – говорю поспешно, – четыре с половиной года.

Снова нащупываю браслет, пытаюсь успокоиться. Пытливый взгляд Джереми Миллера незамедлительно прослеживает это движение и замирает на моей руке, судорожно сжимающей запястье. Отпускаю свой драгоценный талисман, безуспешно пытаюсь скрыть нервозность.

Эх, была не была! Решаюсь спросить:

– Знаю, вы писали, что это конфиденциально, но я бы хотела знать, чем именно занимается ваша компания, господин Лемуан.

– Просто «Крис», без всяких там «господинов». Слова про конфиденциальность, – продолжает Кристоф, – это способ привлечь внимание любознательных людей, готовых пойти на риск. Я ищу необычных людей. Мечтателей. Алиса, очень важно, чтобы ты понимала: в «ЭверДрим» мы мыслим широко, безгранично широко! И не любим посредственность. А ты любишь посредственность, Алиса?

– Э... нет...

– Прекрасно! Потому что сейчас мы разрабатываем грандиозный, уникальный проект, который изменит жизнь всего человечества! Мы разрабатываем секретную бинарную технологию, которая решит одну из мировых проблем и улучшит жизни миллионов людей!

Впечатленная таким энтузиазмом, осторожно спрашиваю:

– Звучит заманчиво. О какой проблеме идет речь? – Может, Кристоф изобрел лекарство от рака, придумал, как покончить с мировым голодом или всеми войнами на земле? Его глаза блестят от возбуждения, и я чувствую, как мне передается этот заразительный восторг. Изум-

ленно смотрю, как он запрыгивает на журнальный столик, делает глубокий вдох и, театрально взмахнув рукой, объявляет:

– «ЭверДрим» поставила перед собой задачу собирать осиротевшие носочки по всему миру!

На мгновение теряю дар речи. Кристоф Лемуан – псих, обдолбанный мечтатель или гений? Должно быть, Кристоф принимает мое изумление за непонимание, потому что с той же торжествующей улыбкой поясняет:

– Речь о носочках-потеряшках, которые, бывает, находишь на дне сушилки для белья! В эпоху вторичной переработки и борьбы с отходами пришло время заняться осиротевшими носочками и экологическими проблемами, которые они представляют. Ты только представь! Ты фотографируешь свой осиротевший носок, указываешь его размер, марку и цвет, и приложение «ЭверДрим» связывает тебя с человеком, у которого есть подходящий носочек ему в пару! Их можно будет собрать вместе. Больше ни один носочек не будет одинок! Наша клиентская база? Весь мир! Конечно, одноногих людей придется исключить, но все равно остается куча людей!

«Может, он шутит?» – на мгновение думаю я, ищу взглядом скрытую камеру и пытаюсь придумать какое-то объяснение происходящему. После слов Кристофа наступает тишина, нарушаемая лишь стуком клавиатуры. Все еще стоя на журнальном столике, Кристоф с широкой улыбкой скрещивает руки на груди.

– Ну так что? Ты готова к этому великому приключению, Алиса? Ты готова принять этот вызов? Готова отвергнуть посредственность?

Открываю рот и молчу. Я не знаю, с чего начать. Может, с того, что название «ЭверДрим» большинству ни о чем не скажет и что людям все равно, какая участь ждет их носки? Или с того, что травка до добра не доводит? Но внутренний голос тихо напоминает, что мне нужна эта работа, и я, откашлявшись, отвечаю:

– Звучит очень... интересно и очень... оригинально. Но вы же знаете, что я не специализируюсь ни на веб-разработках, ни на приложениях, ни на экологии, ни на... осиротевших носках?

– Да, знаю, но ты американка, а будущее «ЭверДрим» лежит в Соединенных Штатах! Весной мы выходим на международный уровень! К тому же твое резюме впечатляет: владение двумя языками, диплом Университета Брауна, работа в «Дж. П. Морган Банк» и в «Голдман Сакс»... Когда мы начнем сбор средств, нам понадобится человек с твоими талантами...

– Какие именно обязанности предполагает моя работа? Чего вы от меня ждете?

– Что ты будешь заниматься всем, что связано с бухгалтерией, финансами и... административными делами.

– Административными делами?

– Именно! Я отвечаю за творчество, Джереми – за код, и нам нужен человек, который бы занимался маркетингом, управлением и так далее. Никто из нас не хочет заниматься такой... такой...

Кристоф запинаясь и замолкает. Догадываюсь, что он стесняется сказать «мутотенью», и любезно подсказываю:

– Нудной работой?

– Нудной, да, именно! Ты превосходно говоришь по-французски, Алиса, у тебя практически нет акцента!

– У меня двойное гражданство. Моя мать француженка, а отец американец.

– Роскошно! Это очень, очень круто!

Кристоф задает мне несколько абсурдных вопросов, например, какой у меня любимый цвет. Потом показывает чернильные пятна на своем «айпаде», спрашивает, что я там вижу (чайку, гитару и самолет), после чего объявляет:

– Я закончил! Джереми, у тебя есть вопросы?

Надеюсь на отрицательный ответ, но Джереми Миллер отрывает взгляд от экрана и спрашивает:

– В резюме не указано, чем ты занималась весь две тысячи тринадцатый год, между увольнением из лондонского банка и переездом в Нью-Йорк.

Украдкой вздыхаю. Я знаю, что мне придется солгать. Несмотря на всю ложь за последние несколько лет что-то в моей душе до сих пор протестует против того, чтобы говорить неправду.

– В две тысячи тринадцатом году я совершила кругосветное путешествие, – тихо отвечаю я, выдерживая пристальный ледяной взгляд голубых глаз. В них мелькает любопытство, и у меня возникает неприятное чувство, что Джереми Миллер мне не верит.

– Как здорово! – восклицает Кристоф. – Именно такие люди нужны нам в «ЭверДрим»! Как погляжу, борьба с посредственностью знакома тебе не понаслышке!

– Почему ты уехала из Нью-Йорка? – продолжает Джереми. – Почему вдруг решила сменить сферу деятельности?

– Я всегда мечтала увидеть Париж... И к тому же устала от финансов. Мне захотелось попробовать чего-нибудь более... интересное.

Представляю, какие вопросы скрываются за этим невозмутимым выражением лица. Ты переехала одна? Ты замужем? Разведена? Есть ли дети? Кто у тебя в Париже? Семья? Друзья?

– Супер, – говорит Кристоф, вынимая из кармана вибрирующий телефон. – Мы скоро с тобой свяжемся, Алиса. А сейчас меня ждет разговор с инвесторами.

На мгновение я подумала, что у меня есть шанс получить эту работу, но такой резкий способ от меня отделаться – плохой знак. Растерявшись, машинально пожимаю протянутую руку и тихо говорю:

– Благодарю за собеседование.

Джереми Миллер встает и ведет меня вниз, даже не утруждаясь разбавить угнетающее молчание. Судорожно пытаюсь придумать, что сказать, чтобы изменить его мнение обо мне. Впрочем, Джереми прекрасно видел, что я волнуюсь, что тереблю браслет и поправляю криво лежащие ручки. Зачем рисковать, нанимая человека со странностями? В глубине души я хорошо его понимаю.

Джереми просит девушку-администратора вернуть водительские права, которые я отдала в обмен на пропуск, и та протягивает ему документ.

– Я всегда мечтала открыть свое дело, – говорю, когда Джереми поворачивается ко мне. – Компания «ЭверДрим» меня действительно вдохновляет. Я бы очень хотела получить эту должность. Не могли бы вы дать мне шанс... – Мои слова звучат слишком неуверенно, чтобы кого-нибудь убедить.

Джереми, удивленный этой неожиданной вспышкой эмоций, забывает вернуть мне водительские права. Вместо этого машинально вертит их в пальцах и внимательно осматривает меня:

– Честно говоря, не понимаю, почему ты ответила на письмо Криса. Для помощника по административным вопросам у тебя слишком большой опыт и квалификация. Что же касается зарплаты... мы не в состоянии платить и десятой части того, что ты зарабатывала раньше. Тебе придется вести счета и следить за тем, чтобы в офисе всегда были маркеры и бумага для принтера. К тому же Крис не видит разницы между финансами и бухгалтерским учетом, поэтому тебе придется заниматься еще и бухгалтерией. Не думаю, что ты знакома с французскими стандартами бухгалтерского учета...

Тяжело сглатываю, нервно поправляю хвост и отвечаю с энтузиазмом, который звучит так наигранно, что не скрывает отчаяния в голосе:

– Я быстро учусь и прекрасно осознаю, что поначалу столкнусь с некоторыми трудностями, но в перспективе долгосрочного сотрудничества...

– Извини, но нанимать тебя – напрасная трата времени. Ненавижу, когда талант тратится впустую.

Джереми все еще держит между пальцами мои водительские права. Он скользит по ним взглядом, и у него на лице отражается удивление.

– Твоя полная фамилия – Смит-Ривьер?

– Да, моя мать француженка, но я использую только «Смит». Все собираюсь сменить документы...

– Смит-Ривьер... – повторяет Джереми, слегка нахмурившись, – Скарлетт Смит-Ривьер случайно не твоя родственница?

– Я с детского сада слышу этот вопрос, – говорю, выдавливая улыбку. – Нет, просто однофамилица. Знаешь, в одной только Америке живет более двух миллионов Смитов, да и Ривьер – распространенная во франкоязычных странах фамилия... С точки зрения статистики фамилию Смит-Ривьер носят тысячи человек...

Некоторое время Джереми молчит, глядя на меня своими голубыми глазами. От его пристального взгляда мне становится не по себе. Пытаюсь дышать медленно и размеренно, чтобы скрыть тревогу, которую вызвал этот вопрос.

– Цифры, статистика – это твой конек, верно? Как и выравнивать ручки параллельно друг другу?

Пожимаю плечами. Я знала, что он заметил мои манипуляции с ручками, но предпочла бы это не обсуждать.

– Я люблю цифры, потому что они ясные и однозначные. В математических формулах нет места случайностям, совпадениям и неожиданностям. Никаких разочарований. Возможен только один результат. По сути, цифры всегда говорят правду.

– В отличие от людей.

– Верно.

Джереми протягивает мне права, и его взгляд снова становится непроницаемым.

– Забавно, что ты так беспокоишься о правде. Знаешь, мне трудно поверить, что ты правда хочешь у нас работать или что вдруг захотела сменить сферу деятельности. И если уж на то пошло, в кругосветное путешествие – тоже.

Его слова, несмотря на совершенно спокойный тон, действуют на меня как ушат холодной воды, но после нескольких секунд оцепенения я чувствую досаду. Как он может судить о моем поведении, не зная о моей жизни? Да кто он такой?! Все эти собеседования – притворство, искусство лгать, выставлять себя в лучшем свете. Я потратила утро впустую, а могла бы за это время откликнуться на несколько вакансий. Кладу права в бумажник, поднимая голову и смотрю Джереми прямо в глаза.

– Хочешь знать правду? Хорошо. Концепция вашей компании – несусветная чушь, название – бессмысленный набор английских слов, и конечно я слишком квалифицирована для этой должности! Но, к сожалению, с последнего места работы меня уволили без выплаты компенсации, поэтому мне нужно поскорее найти работу. Просто чтобы не оказаться на улице. Очень сомневаюсь, что такая правда убедила бы кого-нибудь взять меня на работу. Я умная и серьезная девушка, и пусть я выравниваю ручки, когда волнуюсь, но я быстро учусь. Мне не нужна огромная зарплата, и я готова к переработкам. Если бы ты потрудился дать мне шанс, то не пожалел бы. Да, и последнее: в две тысячи тринадцатом году я и правда не совершала кругосветное путешествие. Я не работала из-за депрессии. На этом разреши откланяться.

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь на каблуках. Пусть собеседование не увенчалось успехом, я довольна тем, что поставила этого мужчину на место.

Дневник Алисы

Лондон, 1 сентября 2011 года

Привет, Брюс!

Сегодня утром я снова была у психотерапевта. Показала первые страницы своего дневника. Она улыбнулась:

– Что вы почувствовали после того, как сделали первую запись?

– Неловкость. Я чувствую себя глупо, когда пишу о себе. Наверное, потому что боюсь, что кто-то прочитает и будет меня осуждать.

– Да, дневник – это очень личное.

– Я все еще не понимаю, как это поможет мне забеременеть.

– Ведение дневника можно рассматривать как терапевтический ритуал, помогающий выплеснуть накопившийся внутри негатив. Когда вы пишете о вещах, которые вас беспокоят, то как бы выносите их за пределы себя, на бумагу. Вам не показалось, что дневник помог вам выпустить пар?

Я пожала плечами.

– Не знаю... Может, немного...

Психотерапевт кивнула и заключила:

– Не показывайте мне свои записи, если не хотите. Так вы сможете писать обо всем, что душа пожелает. Продолжайте писать по десять-двадцать минут в день. Попробуйте вспомнить свое детство.

Я снова пожала плечами.

– Вспоминать особо нечего. У меня было обычное детство...

– Во время беременности – или подготовки к беременности – у женщин зачастую возникают вопросы, ответить на которые помогает опыт из своего детства.

– Я даже не знаю, с чего начать...

– Как и в большинстве случаев: с самого начала. Это как вытягивать ниточки из одежды: единожды взявшись, уже сложно остановиться. Сами увидите.

Итак, мое детство. Самое начало.

Ладно. В первую очередь расскажу о родителях.

В 1973 году Франсуаза Ривьер (молодая француженка, приехавшая в университет штата Род-Айленд по обмену) отправилась в клуб любителей кино, где познакомилась с Мэттью Смитом. У них разгорелся горячий спор о старом кино, во время которого они чуть было не прикончили друг друга из-за «Унесенных ветром». Франсуаза назвала «Унесенных ветром» величайшим шедевром в истории кинематографа, а Мэттью назвал его «расистским консервативным бредом». Их спор затянулся настолько, что пришлось продолжить его за стаканчиком молочного коктейля.

Моя мать приехала в Штаты на три месяца, но так и не воспользовалась своим обратным билетом. Через год после знакомства родители поженились. Им было едва за двадцать.

Следующие одиннадцать лет жизни родители пытались завести ребенка. После многочисленных обследований гинеколог заключил: вероятность того, что Франсуаза Смит-Ривьер (мама оставила свою девичью фамилию, чтобы бороться против патриархата, но фамилию моего отца тем не менее взяла – в американских корнях есть неоспоримые плюсы) забеременеет, составляет менее трех процентов. Первую в Соединенных Штатах процедуру по искусственному оплодотворению провели в 1981 году. Я была зачата в пробирке тремя годами позже и появилась на свет в начале января 1985-го.

Мои родители не могли позволить себе ЭКО (отец работал автомехаником, а мать – внештатным переводчиком), но им посчастливилось попасть в исследовательскую программу, которую финансировала крупная фармацевтическая компания.

Хотелось бы мне вспомнить первые месяцы жизни, как родители, ожидавшие моего рождения более десяти лет, стояли над моей колыбелью и с блаженным видом слушали мой лепет, наблюдали за моими первыми улыбками, первым смехом...

Через некоторое время мама, удивленная тем, что после родов у нее не начинается менструация, пошла на консультацию к гинекологу. Вопреки всем прогнозам, она забеременела – естественным путем.

Моя сестра родилась в том же году, что и я. В декабре. К этому времени политические убеждения отца несколько пошатнулись, но вот мама по-прежнему обожала «Унесенных ветром».

Вторую дочь родители называли Скарлетт.

* * *

Я в депрессии третий день. Жду ответа на резюме, которые отправила после фиаско на собеседовании в «ЭверДрим». Мне грустно не только из-за неудач с поиском работы, но и потому, что столица Франции меня разочаровала. Париж, который я видела на открытках в детстве и мечтала посетить, отличается от реальности. В настоящем Париже тротуары больших бульваров испачканы собачьими экскрементами, бездомные по ночам, дрожа, прижимаются к вентиляционным решеткам метро, из которых идет теплый воздух, а туннели метро кишат крысами. Деревья встречаются также редко, как улыбки на лицах прохожих, а чашечка эспрессо стоит столько же, сколько дамская сумочка.

Лежу на кровати и играю с Дэвидом, когда, вопреки всякой логике, мне звонит Кристоф Лемуан. Позволяю звонку переключиться на автоответчик, а потом прослушиваю голосовое сообщение: «Привет, Алиса! Говорит Кристоф Лемуан. Для меня большая честь сообщить, что мы рады приветствовать тебя в рядах мечтателей «ЭверДрим»! Выходи с понедельника, если сможешь, ибо приключения не ждут! Перезвони, нам нужно обсудить твой контракт. До скорого!»

Ошеломленно проигрываю сообщение еще три раза. Похоже, на молодого генерального директора я произвела хорошее впечатление – настолько хорошее, что он закрыл глаза на мнение своего партнера. А может, никто, кроме меня, не откликнулся на вакансию и не захотел работать над таким странным проектом... Решаю не ломать себе голову и перезвонить. Кристоф Лемуан полон решимости взять меня на работу. Хочу спросить, почему, но сдерживаюсь, опасаясь все испортить. У меня есть работа, и это единственное, что сейчас имеет значение.

Когда через несколько часов грузчики привозят упакованные в коробки вещи, которые я отправила сюда из Штатов, это кажется мне знаком: теперь мое место здесь, в Париже. Коробок не больше двадцати: я распродала всю мебель и большую часть вещей.

Следующие несколько дней уходят на уборку с тряпкой и пылесосом. Я разбираю большую часть коробок, но к некоторым мне прикасаться не хочется; в основном на них написано «Лондон», но есть одна коробка, к которой мне особенно не хочется прикасаться. На ней черным маркером выведено яростное «Ф». Аккуратно ставлю коробки у стены, рядом с отключенными колонками (хозяева их еще не забрали), накрываю большим желтым полотном с африканскими мотивами, а потом водружаю на этот импровизированный буфет лампу. Выглядит довольно прилично, хотя я знаю: простым цветным полотном правду о прошлом не скрыть.

Не знаю, куда себя деть. Хочу позвонить в «ЭверДрим» и спросить, можно ли выйти на работу прямо сейчас, но, передумав, надеваю кроссовки и отправляюсь на пробежку.

Несмотря на серость, осень Парижу к лицу. С помощью приложения «Гугл Карты» я нахожу маршрут, который составляет ровно пять миль (так, нужно думать в километрах), и ноги приводят меня в парк Бют-Шомон. Не сбавляя шага, наблюдаю за суетливыми голубями: сидящая на скамейке старушка кидает им крошки, а потом улыбается мне. Нерешительно машу ей в ответ. Если бы мне хватило смелости, я бы села рядом.

Ковер из листьев шафранового цвета, стелющийся у меня под ногами, напоминает мне детство: когда наступала осень и клены на Род-Айленде начинали пылать рыжевато-красной листвой, я любила выходить на прогулку. Ветер румянил мне щеки, я садилась на пляже Наррагансетт, пустынном с конца сентября, – садилась прямо на песок и смотрела на океан. Останавливаюсь. Внезапно становится трудно дышать. Я и сама не заметила, как ускорила темп, и теперь у меня перехватило дыхание. Некогда, будучи подростком, я страстно желала покинуть туманные морские берега, возле которых жила, но сейчас я бы отдала все на свете, чтобы вернуться туда. У меня сжимается горло при мысли, что теперь это невозможно. Не после того, что случилось.

Не после того, что я сделала.

Дневник Алисы

Лондон, 10 сентября 2011 года

Дорогой Брюс Уиллис!

А вот и я! Я побывала у психотерапевта и вот – снова беру дневник в руки. Не сказать чтобы у меня были дела поважнее.

Я только что поняла, что машинально пишу по-французски. Возможно, мне легче быть искренней на французском, языке моей матери, чем на английском, языке моего отца. Этот дневник посвящен тебе, Брюс, но попади он в твои руки – ты бы вряд ли понял хоть слово. Нелепо, да?

Я почти не рассказывала тебе о себе, Брюс. Меня зовут Алиса Смит-Ривьер, мне двадцать шесть лет, и я замужем уже два года (но если мы однажды встретимся в реальной жизни, то знай: на самом деле я свободна как ветер и я всегда считала, что наличие волос сильно переоценивают).

Я с детства знаю два языка, поэтому сейчас пишу по-французски. Меня успокаивает мысль о том, что если Оливер найдет этот дневник, то ничего не поймет и не узнает, какой чепухой забита моя голова. А может, я пишу по-французски просто потому, что скучаю по этому языку... Ой, точно! После того, как закончу, нужно позвонить маме и сказать, что Дакота беременна.

Вести с фронта: я все еще не беременна.

Последнее время мы с Оливером часто ссоримся. Терпеть не могу, когда он говорит то, что я и так целыми днями слышу со всех сторон, а именно: «Перестань думать о беременности!» Как будто я сама не знаю! Но если думать о том, что нужно перестать думать вещах, о которых уже думаешь, то начнешь думать о них еще больше. Поэтому спасибо за совет, магистр Йода, но толку от него никакого.

Мне очень не хватает смайлика, который в ярости рвет на себе волосы, отмечая даты овуляции. (Лирическое отступление: наверняка есть люди, чья работа состоит в том, чтобы придумывать смайлики, да?)

Итак, вчера Дакота позвонила мне по скайпу и сообщила о том, что беременна.

– Это получилось случайно! Мы всего разок занялись «этим» без предохранения, и вот... Представляешь? Сначала я была в шоке, ты же знаешь, я никогда не хотела детей, но теперь мы ужасно счастливы.

– Поздравляю! Жутко рада за вас, – сказала я, улыбаясь с искренностью политика накануне выборов.

Перевод вежливого на честный: конечно, Дакота, я жутко рада, что ты плодороднее, чем поле ГМО-крапивы! Особенно учитывая, что ты дымишь как угольная электростанция, а когда тебе в последний раз доверили племянницу, ты оставила ее в гипермаркете и вспомнила об этом только к вечеру. Действительно.

Да, Брюс, это неправильно. Я и сама знаю. То, что я, похоже, единственная женщина во Вселенной, которая не может забеременеть, – не повод осуждать своих подруг. Я злюсь на себя за цинизм, и это, пожалуй, хуже всего. В глубине души я рада за Дакоту. Я просто хочу, чтобы это случилось и со мной. Желательно до того, как мне стукнет семьдесят три.

Если верить советам Оливера, который любит нравоучения явно больше, чем детей, нужно видеть в происходящем плюсы: пока мне достается больше вина, сыра и колбасных ассорти.

* * *

Большинство людей проводят рабочую неделю в ожидании выходных. Я же провожу выходные в ожидании понедельника. Работа отвлекает меня от мыслей, и я готова на все, чтобы не оставаться с ними наедине. Работа – самое эффективное средство от панических атак. Кристоф сказал мне приехать к девяти, но я переступаю порог «Спейса» в 8:20. Энергии у меня – как у человека, который не спал с прошлого Рождества. Вчера я решила не принимать снежное, что привело к тому, что заснула я часа в три и проснулась без четверти шесть. Просто блеск. С утра я успела написать Анджеке (и, пока она не начала беспокоиться, заверить: у меня все прекрасно в этом лучшем из миров), выйти на пробежку, заглянуть в «Старбакс» за капучино и яблочно-ореховым кексом, вернуться домой, принять душ, почистить кошачий лоток и пропылесосить квартиру. Наивно твержу себе: чем сильнее я устану, тем больше шансов, что сегодня ночью удастся заснуть.

Администратор Сара меня не помнит. В ее защиту скажу, что меня никогда не запоминают. Меня это вполне устраивает. Для описания моего телосложения требуются такие прилагательные, как «обычное» или «нормальное». Есть лица, которые притягивают взгляд и которые невозможно забыть. Ну а я... я потеряла счет тому, сколько раз слышала «приятно познакомиться» от людей, встречавших меня во второй или в третий раз. Мне тридцать три года, и я выгляжу на свой возраст, может, на год моложе, если хорошенько отдохну. Думаю, у меня красивый голос. В остальном же... карие глаза, темно-каштановые волосы средней длины, всегда собранные в хвост – слишком строгий, чтобы быть сексуальным. Раньше мне говорили, что у меня улыбка Джулии Робертс, но больше я не улыбаюсь. Я не пользуюсь косметикой, а если пользуюсь, то крайне редко и малым количеством. Я обычная. Однажды я услышала, как мой коллега сказал: «Алиса могла бы выглядеть неплохо». «Неплохо» – это даже не «хорошо». Я ни красивая, ни уродливая. Я – что-то между. Потом другой коллега (мы стояли возле стола с мини-бургерами, но, видимо, никто из них не заметил моего присутствия) подлил масла в огонь: «Но не выглядит». А может, он сказал: «Но даже не пытается». Не знаю. Видимо, меня упрекали в том, что я не трачу по сорок пять минут в день – а это почти двенадцать полных дней в году, и если мне повезет дожить до восьмидесяти, целых три года жизни! – на то, чтобы преобразить свою обычную внешность с помощью тонального крема, туши и прочего. И все это – ради сомнительного удовольствия услышать, как на рождественском корпоративе двое пухлых, лысоватых мужчин говорят, что я выгляжу «неплохо»...

Я не хочу никому угодить. На самом деле я хочу слиться с толпой. Хочу, чтобы меня никто не узнавал. Хочу отойти в сторонку, остаться в тени и позволить сиять тем, кто этого заслуживает. Я придумала себе дресс-код. Черный или серый костюм, белая или синяя блузка. По выходным я позволяю себе расслабиться: надеваю джинсы и пару конверсов. Мой словесный портрет совпадает с описанием доброй трети человечества. Хорошая новость: если меня начнет разыскивать Интерпол, я с легкостью ускользну у него из-под носа. Мне даже прическу менять не придется, что, учитывая мою инертность, весьма кстати.

Мы с Сарой поднимаемся на последний этаж.

– Вы пришли раньше остальных новичков, – говорит она, проводив меня в конференц-зал.

После этих слов становится ясно, что не я одна выхожу сегодня на работу. На вайтборде написано «Добро пожаловать в «ЭверДрим», а на столе, возле маленьких бутылочек с водой, стоят таблички с именами. Сажусь напротив своей.

В 8:55 с самокатом под мышкой появляется двадцатичетырехлетняя Виктуар Эрнандес – метиска с кожей цвета карамели, собранных в пучок черно-розовых косичек и маленькими золотыми колечками, которые огибают раковину правого уха. Идеально сидящие потертые

джинсы, рваный топ, который заканчивается чуть выше пирсинга на пупке... думаю, Виктуар приложила немало усилий, чтобы выглядеть небрежно, но это было напрасной тратой времени: она из тех, кто выглядит восхитительно даже в костюме гигантского чизбургера с беконом для рекламы «Макдоналдс».

– Меня зовут Виктуар, – представляется она, – я веб-мастер и ай-ти-разработчик.

– Алиса.

– Приятно познакомиться, Алиса. Наверняка ты сейчас подумала: ах, какое у нее дурацкое буржуйское имя!

Я думаю совсем о другом, но непосредственность этой девушки вызывает у меня слабую улыбку. Виктуар тем временем добавляет, доставая из сумки покусанную ручку без колпачка и тетрадь на спирали:

– Знаешь, когда моя мама была беременна мной, она перенесла токсоплазмоз, и врачи сказали, что я буду овощем.

– Неужели?

– Поэтому заранее предупреждаю, – очень серьезно продолжает Виктуар, – у меня абсолютно нет речевого фильтра. И это несмотря на IQ в 138. Дело либо в токсоплазмозе, либо в плохом воспитании. Я предпочитаю предупреждать людей, с которыми собираюсь работать, потому что негативная реакция на мои слова может стать препятствием для построения здоровых социальных и эмоциональных связей с окружающими.

Смотрю на девушку во все глаза, чувствуя веселье и удивляясь ее откровенности.

– Нет речевого фильтра? В каком смысле?

– Ну, я понимаю, что есть вещи, о которых не принято говорить. Теоретически. На практике у меня возникают проблемы. Логика социальных норм, полная абсурдности, ускользает от моего выдающегося интеллекта. Например, теперь я знаю, что мне не следовало говорить техническому директору на моей прошлой работе, что он – некомпетентный неонацист и что в его интересах больше никогда со мной не говорить.

Некоторое время Виктуар с прищуром смотрит на меня, а потом заключает:

– Благодаря курсу нейролингвистического программирования, который позволяет мне интерпретировать язык тела, я понимаю: наверное, не следовало рассказывать тебе эту историю.

Она выглядит очень обеспокоенной, поэтому я снова улыбаюсь:

– По крайней мере, ты говоришь то, что думаешь. Это дорогого стоит.

– Многие с тобой не согласятся, – произносит Виктуар после секундного размышления. – Мне нравится твой взгляд на вещи.

В 8:58 утра появляется Кристоф. Может показаться, что для того, чтобы провалить девятнадцать стартапов подряд, требуется минимум серьезности и вовлеченности, но, похоже, Кристоф профессиональнее, чем кажется.

– Привет, эм-м-м... – Он запинается.

– Алиса, – напоминаю я, указывая на табличку перед собой.

– Да, точно! Алиса! Как поживаешь? Хорошо провела выходные? Погода, конечно, отвратительная. Приехав в Париж осенью, рискуешь пожалеть, что уехала из Штатов! А ты, Виктуар? Как выходные?

После этого Кристоф принимается рассказывать о своих выходных. Люблю разговорчивых людей. Они берут на себя изнурительную задачу: вести разговор за тебя.

В 9:27, когда Кристоф заканчивает презентацию «ЭверДрим», которую показывал на плоском экране, возвышающемся над стеклянным столом, открывается дверь, и на пороге конференц-зала появляется Реда Шабби – двадцативосьмилетний графический и веб-дизайнер, по совместительству комьюнити-менеджер. Он слегка горбится, словно пытается скрыть свои добрые метр девяносто роста и худые долговязые конечности. На нем кепка с логоти-

пом нью-йоркской бейсбольной команды «Янкис». Он извиняется за опоздание, ссылаясь сначала на сбой будильника, потом на забытую транспортную карту и проблему с ключом соседа по комнате.

Кристоф, сбитый с толку этой лавиной оправданий, уверяет, что ничего страшного не произошло, и предлагает Реда включить свой компьютер.

– Я забыл его дома, – признается Реда. – Кстати, через какое время нам положен отпуск?

Потом Кристоф рассказывает нам о своей карьере, не скрывая многочисленных неудач.

– Уверен, вам интересно, почему я нанимаю вас на работу, несмотря на то, что приложение еще не создано. Все потому, что вы с самого начала должны стремиться к большему! Зацикливаться на мелочах – значит принять посредственность! Поверьте, скоро «ЭверДрим» выйдет на международный уровень, и все мы станем миллионерами!

Через несколько минут воодушевленной речи Кристоф спрашивает, остались ли у нас вопросы. Реда поднимает палец.

– Здесь выдают талоны на еду?

Ровно в одиннадцать утра в конференц-зал входит Джереми Миллер. Он холодно здоровается с присутствующими и, засунув руки в карманы джинсов, кратко представляется. Потом приводит статистику осиротевших носков, которые систематически оказываются в мусорке, и рассказывает о возможностях вторичной переработки текстиля, которую они предлагают.

– Вопросы?

Его глаза цвета льда осматривают небольшое помещение и на долю секунды останавливаются на мне. Он удивлен, увидев здесь меня? Мог ли Кристоф взять меня на работу, даже не сказав ему?

Виктуар громко зевает:

– От всей этой болтовни мало толку. Когда мы начнем работу над сайтом?

– Сегодня днем, – отвечает Джереми. – Надеюсь, что ты владеешь Python так хорошо, как указано в твоём резюме.

Виктуар скрещивает руки на груди и с дерзким видом откидывается на спинку стула.

– Python – мой родной язык. Кроме него я говорю еще на четырех: Java, Javascript, C++ и PHP. И, к вашему сведению, в моем резюме не указано и половины моих навыков.

Как ни странно, но такая дерзость вызывает у Джереми короткую улыбку. Похоже, он прекрасно понимает, о чем Виктуар говорит – в отличие от меня, которая не поняла ни единого слова.

Остаток дня проходит быстро. Кристоф по очереди беседует с каждым из нас, отвечая на вопросы. Реда хочет знать, может ли выдвинуть свою кандидатуру на пост представителя работников предприятия и на какое количество выходных мы имеем право. В конце рабочего дня Кристоф предлагает выбрать время, когда мы все свободны, чтобы устроить «приветственную вечеринку». Нужно будет найти предлог, чтобы пропустить это мероприятие. Возвращаясь домой в легком шоке от сегодняшних событий. Я здесь не для того, чтобы заводить друзей, но... новые коллеги показались мне довольно дружелюбными. Призадумавшись, ложусь в постель. В конце концов, почему бы не соединить осиротевшие носки? Кажется, я начинаю видеть в этом сумасшедшем проекте определенную поэтику.

* * *

Отправитель: Анджела Сринивасан

Получатель: Алиса Смит

Дата: 10 сентября 2018 года

Тема: Новости

Здравствуй, моя Алиса в стране чудес!

Как поживаешь? Я очень рада, что ты нашла идеальную квартиру в районе, который тебе нравится, и работу, которая тебя увлекла. Твоя парижская жизнь – просто сказка. Редкая удача! В любом случае, повторяю: если тебе нужны деньги до первой зарплаты, я вышлю, ты только скажи!

Обязательно сделай фотографии своей новой квартиры... Буду представлять, как ты с новыми подругами распиваешь смузи, позабыв обо мне, как о старом добротном носке, завалявшемся на дне корзины для белья!

Здесь деревья уже пожелтели. Ты знаешь, я очень люблю бруклинскую осень, но без тебя она уже не та. Эбби поехала в Коннектикут – ухаживать за своей мамой, которая диагностировала себе ветрянку и думает, будто умирает. Ты даже не представляешь, какой она ипохондрик! Который день шлет нам статьи об опасности ветрянки во взрослом возрасте. Уверена: на самом деле у нее парочка комариных укусов...

Отвозить мальчиков на учебу, потом мчаться на работу – это ад. Очень надеюсь, что скоро мы найдем няню! Тео пошел в детский сад, и мне кажется, он стал общительнее.

В банке ничего нового, Эндрю ведет себя так, будто тебя никогда не существовало. Ненавижу его. Я серьезно подумываю о том, чтобы все бросить и стать внештатным диетологом/учителем йоги, но, признаться, я совсем не уверена, что наша семья справится без привычного дохода, учитывая траты на обучение, квартиру и т. д. Как и обещала, вот почта моей двоюродной сестры, которая живет в Париже: saranya.godhwani@kmail.com. Я предупредила, что ты ей напишешь.

Прикладываю к письму фотографии мальчиков и рецепт киш-лорена. Ты во Франции, меня больше нет рядом, но я не позволю тебе вернуться к вредным привычкам! Заменяй сливки и яйца соевым молоком, бекон – копченым тофу, а сыр – специями. Что бы там ни говорили мальчики и Эбби, пирог получается вкусным и очень легким, вот увидишь!

Надеюсь, ты сможешь вырваться к нам на Рождество. Мальчики очень расстроятся, если ты не приедешь. Это будет их первое Рождество без тебя.

Скучающая по тебе,
Анджела

PS: Прилагаю контакты американского психотерапевта, которая живет в Париже. Она – золовка коллеги Эбби. Позвони ей. Надеюсь, ты не обидишься на этот мой совет. Ты же знаешь, что я люблю тебя.

* * *

– Алиса Смит?

Психотерапевт, которого рекомендовала Анджела, – маленькая кругленькая женщина с яркой боевой раскраской, которой позавидовал бы любой индеец. У нее доброжелательная улыбка, предназначенная для детей и таких, как я. Улыбка, которая почти заставляет поверить, что сожженное сердце можно восстановить из пепла.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я доктор Леруа. Приятно познакомиться.

Она пожимает мне руку и ведет через покрытую вошеным паркетом приемную, где у каждого предмета интерьера всего одна цель: заставить пациентов чувствовать себя в безопасности. Зеленые растения, спокойная музыка, запах ванили...

– Присаживайтесь.

Послушно опускаюсь на диван. На журнальном столике лежат красивые путеводители. Скорее всего, тоже элемент декора, потому что никто в здравом уме не заплатит девяносто евро, чтобы за сорок пять минут открыть для себя чудеса Андалусии. Там же стоит коробка с салфетками. Интересно, неужели пациенты и правда умудряются плакать в этом кабинете, перед совершенно незнакомым человеком? Машинально поправляю лежащий на самом верху стопки путеводитель и выравниваю коробку с салфетками по краю стола. Поднимаю голову и ловлю на себе взгляд карих глаз. Доктор Леруа ласково улыбается. Зря я это сделала. Она все видела.

– Можно называть вас Алисой?

– Да.

– Что привело вас сюда, Алиса?

– Позвольте быть с вами полностью откровенной?

– Конечно.

– Я совсем недавно переехала во Францию. В Штатах мне выписали рецепт на ряд препаратов, и я бы хотела получить рецепт на их французский эквивалент. Терапевт отказался назначать такие лекарства, поэтому я пришла к вам. Но терапия мне не нужна. Я в полном порядке.

В подтверждении своих слов вручаю доктору американский рецепт, который взяла с собой. Не говоря ни слова, она просматривает список лекарств, после чего кладет рецепт на стеклянную поверхность столика и пододвигает ко мне.

– Я не могу прописать вам эти препараты, если вы не проходите лечение.

– Я уже прошла лечение и теперь в полном порядке. Я не собираюсь браться за старое.

– Тогда зачем вам лексомил и валиум?

– Я страдаю от бессонницы, и время от времени у меня случаются панические атаки. Ничего серьезного. Я в полном порядке.

– Алиса, вы уже в третий раз говорите, что вы в полном порядке, – мягко отвечает доктор. – Но тем, кто в порядке, не прописывают такую дозировку, какая указана в вашем рецепте.

Она снова одаривает меня ободряющей улыбкой, и я понимаю, что по привычке начинаю теребить висящий на запястье браслет.

– Послушайте, я только что переехала в Париж, у меня нет времени на терапию...

– У вас в жизни происходят большие перемены, поэтому важно, чтобы вы находились под наблюдением врача. Скажите, панические атаки не усилились после того, как вы оказались в новой для вас обстановке?

Раздраженно кусаю губу. Доктор не уступит – это понятно по ее понимающему, но твердому взгляду, по стальным ноткам в мягком голосе.

– Давайте поговорим, раз уж вы здесь, и посмотрим, что из этого выйдет. Что скажете?

Не отвечаю. Я не хочу с ней разговаривать. Не хочу копаться в своих чувствах и выкладывать их на стеклянный столик между путеводителем по Андалусии и измученным бонсаем. Не хочу, не могу. Я научилась функционировать. Нужно просто взять себя в руки. Мы со Вселенной заключили сделку: я отношусь к ней с уважением, она оставляет меня в покое. Если не вспоминать о прошлом, то его все равно что нет. Пока я молчу, все хорошо.

– Я не могу выписать вам эти препараты, не понимая причину, по которой вы их принимаете. Это было бы безответственно с моей стороны.

Молчу.

– Вы отдадите себе отчет в том, что заплатите за сеанс независимо от того, уйдете сейчас или будете молчать оставшиеся сорок минут?

Беру со стола рецепт, аккуратно складываю и убираю обратно в сумочку. Потом достаю бумажник и тихо говорю:

– Я уйду. Приходить сюда было ошибкой. Сколько я вам должна?

Доктор смотрит на меня и молчит. Она не выглядит ни растерянной, ни удивленной, ни обиженной. Просто задумчивой.

– Нисколько.

– Нет, вы правы. Вы выделили мне час своего времени. Я хочу заплатить за сеанс.

– А я хочу помогать людям, которые ко мне приходят.

Торопливо встаю, понимая, что вот-вот сдамся и расскажу этой совершенно незнакомой женщине о своей жизни – просто потому, что доктор кажется милой. Она провожает меня до двери и с сердечной улыбкой протягивает руку.

– Позвоните, когда захотите поговорить.

Дневник Алисы

Лондон, 29 сентября 2011 года

Настроение у меня где-то на дне, погребенное под пятью тоннами компоста на глубине двадцать тысяч лье под водой. Я перестану писать, что не беременна. Давай исходить из принципа: если я не сообщаю о своей беременности, значит, я не беременна.

Оливер уехал в командировку. Я устала наворачивать круги по квартире, поэтому позавчера откликнулась на три вакансии. Сегодня утром мне позвонили из банка и пригласили на собеседование. Я еще не рассказывала об этом Оливеру. Не знаю, почему. Наш ребенок занимает своим отсутствием столько места, что мы перестали разговаривать друг с другом. Сейчас ты, Брюс Уиллис, мне ближе, чем Оливер. Осознаешь всю абсурдность ситуации? Наверное, я чувствую себя виноватой. Остальные женщины с легкостью рожают детей, зачистую даже не запланированных, так почему у меня ничего не получается?

Сегодня утром я была у психотерапевта.

– Вы раньше не упоминали о своей сестре. Почему?

Я пожалала плечами:

– Не думала, что Скарлетт имеет отношение к проблеме, которую мы пытаемся решить. К тому, что я не могу забеременеть. Вы думаете иначе?

– Не знаю. Но если вам хочется писать о сестре – пишите.

Не знаю, хочется ли мне писать о Скарлетт, но Скарлетт – неотъемлемая часть моей жизни и моего детства. Писать о себе, не упоминая о ней, кажется нелепым. С другой стороны, не просто объяснить, какие нас связывают отношения.

Про таких, как моя младшая сестра, говорят, что они «обладают харизмой». Их либо обожают, либо ненавидят, они интереснее президентских выборов или нового сезона «Игры престолов».

С чего бы начать?

Я постоянно слышу, как незапланированного ребенка называют «случайностью», «неожиданностью» или «катастрофой».

Обратимся к словарю.

Случайность – непредвиденное обстоятельство.

Неожиданность – не соответствующее ожиданиям событие, обстоятельство, явление.

Катастрофа – неожиданное происшествие, создающее опасность и имеющее трагические последствия. *Синонимы*: несчастье, невезение, катаклизм, бедствие.

Рождение Скарлетт стало для мамы катастрофой.

Как по мне, «катастрофа» – это когда водитель убивается на обледенелой дороге, когда едет в «Волмарт».

Я очень жалею незапланированных детей, потому что они напоминают мне сестру. Каждый раз, когда я слышу, как отец или мать называют своего ребенка «катастрофой», меня охватывает непреодолимое желание взять малыша на руки и сказать ему: не слушай бред этих взрослых, рождение ребенка не может быть катастрофой! Так я поступала со Скарлетт, когда в детстве она спрашивала, не удочерили ли ее.

Думаю, мама еще до появления Скарлетт подсознательно решила, что этот незапланированный ребенок приведет к катастрофе. Возможно, у Скарлетт не было иного выбора, кроме как оправдать ожидания, соответствовать дурацкому ярлыку, наклеенному на нее с первого УЗИ. Я, в свою очередь, старалась соответствовать выданной мне роли идеальной дочери, рождения которой ждали, как пришествия мессии.

До того, как отец ушел из семьи, они с мамой иногда устраивали званые ужины. Нам со Скарлетт разрешалось не спать до конца аперитива при условии, что мы будем разносить закуски: приготовленные мамой сосисочные рулетики или крекеры, на которые отец клал маленькие кусочки сыра. (Мама, будучи истинной француженкой, ненавидела любой сыр, за исключением французского, но папа любил чеддер.) Как наяву вижу Скарлетт с влажными после ванны волосами, одетую в пижаму в горошек... На таких вечерах мама вспоминала, как директор похвалил меня за стихотворение о застрявшей в мазуте чайке или как я спасла от утопления котенка... Мама с мечтательным видом говорила обо мне и только обо мне, даже забывая донести до губ бокал. Скарлетт тем временем держала в руках тарелку с закусками, восхищенно слушая истории о моих подвигах. Думаю, она гордилась тем, что у нее такая замечательная сестра. На губах у нее сияла широкая улыбка, полная искренней радости, – единственное генетическое наследие отца, потому что в остальном мы с сестрой были копией мамы.

Когда Скарлетт проходила с тарелкой мимо отца, он мог вспомнить о ее существовании. Гладил ее по голове, придумывая, что бы сказать, и невнятно бормотал:

– Скарлетт... хорошо дается математика. – Но эти слова тонули в мамином монологе.

Короткое время, о котором потом все забыли (что неудивительно, учитывая дальнейшие события), Скарлетт мирилась с ролью второй скрипки. Я была старше, и она следовала за мной по пятам, с благоговением подражая каждому моему жесту. Иногда я пыталась от нее отвязаться, обзывала липучкой... Впрочем, чего душой кривить: мне нравилось, что сестра меня боготворит. Я частенько этим пользовалась: просила подарить мне игрушку, которую она получила на Рождество, принести печенье с кухни, когда мне было лень вставать, закончить домашнее задание под мою диктовку или соврать маме...

Вычитав в одном пиратском романе фразу «трубить атаку» и узнав от мамы ее значение, я решила, что Скарлетт должна трубить атаку перед каждым моим приемом пищи. Скарлетт с улыбкой подчинилась. Она застыла на пороге кухни, вытянувшись по струнке и торжественно протрубила на воображаемой трубе первые ноты из заставки Universal Cinema Studios, возвещая о моем появлении. Мама велела ей перестать валять дурака и отправила мыть руки, в то время как я прошептывала в нашу маленькую кухоньку, как Бейонсе на сцене в Мэдисон-сквер-гарден. Признаю: у меня был период мании величия, но он быстро прошел.

Ситуация изменилась, когда мне исполнилось восемь лет. Все началось с оброненного Скарлетт замечания. Она сидела на своей кровати, каштановые волосы небрежно обрамляли ее бледное личико. В какой-то момент она задумчиво посмотрела на меня и грустно спросила:

– Почему всегда должно быть по-твоему?

– Потому что я старше, – ответила я, словно это было чем-то само собой разумеющимся.

Через некоторое время отцу пришла в голову блестящая идея продать без маминого ведома гараж, взять семейные сбережения и сбежать с женщиной, водившей школьный автобус, на котором мы каждое утро ездили в школу.

На кухонном столе отец оставил письмо, в котором объяснял, что не создан для конформистской буржуазной жизни, в тисках которой оказался; что всегда чувствовал, что рожден для великих дел и что не может себе позволить жить неправильно. В порыве неслыханной щедрости (папа всегда голосовал за демократов) он оставил маме дом (за который предстояло расплачиваться еще пятнадцать лет) и обеих дочерей.

Мы со Скарлетт нашли письмо раньше мамы. Много лет спустя сестра сказала, что помнит каждое написанное там слово. А я помню ее реакцию:

– Лучше бы папа остался, а мама сбежала с водителем автобуса...

Мама не заговаривала об отце, и от него больше не было вестей. Неделю мы не посещали школу (некому было водить школьный автобус), что для меня являлось немаловажным плюсом всей этой ситуации. В детстве я еще умела видеть стакан наполовину полным.

Думаю, я понимала, что уход отца ранил Скарлетт больше, чем меня. У меня была мама, которая с утра до вечера заваливала меня комплиментами, которая душила меня объятиями и поцелуями. У Скарлетт был отец, который гладил ее по голове по возвращении домой. Маленькой девочке этого мало, но после ухода отца Скарлетт не доставалось и такой ласки.

Когда в последующие недели я слышала сдавленные всхлипы, приглушаемые подушкой, то ложилась рядом с сестрой и гладила ее по волосам, пока она не засыпала.

Однажды вечером мы сидели на кухне и ели спагетти болоньезе. Мама разговаривала по телефону с одной из своих подруг.

– Ты с ума сошла! – воскликнула она в какой-то момент. – Прежде чем рожать второго, нужно подождать хотя бы четыре года! Погодок тянуть сложно, стресс разрушает отношения. Посмотри на меня: вот родилась Скарлетт, и Мэтт ушел.

Скарлетт замерла, спагетти прилипли к ее подбородку. Ее пухлые щечки были заляпаны томатным соусом, а может, она покраснела. Широко раскрытые карие глаза, обрамленные длинными ресницами, смотрели вопросительно и удивленно. Потом она встала, убрала за собой тарелку и, не говоря ни слова, поднялась в нашу комнату. Мама вернулась за стол, даже не обратив внимание на отсутствие младшей дочери.

Той ночью Скарлетт не плакала в подушку, но после того, как погас свет, она еще долго лежала без сна (когда восемь лет спишь с кем-то в одной комнате, то понимаешь это по дыханию). Я забралась к сестре в кровать, крепко обняла и прошептала ей на ухо:

– Если хочешь, завтра все будет по-твоему.

Думаю, именно тогда наши роли изменились. Именно тогда я поняла, что мне нужно заботиться о Скарлетт. Потому что во всем мире у нее больше никого нет.

* * *

После трех недель работы в «ЭверДрим» жизнь вошла в рутинную колею. Это пошло мне на пользу. Как Джереми Миллер и говорил, моя работа носит чисто административный характер. Кристоф поручает мне простые задачи, такие как подбор страхования для сотрудников, подключение телефонной линии, закупка офисных принадлежностей. Я слежу за его расписанием, веду корпоративную документацию, отвечаю на телефонные звонки и оплачиваю счета. Я занята, у меня не остается времени на рефлексии, что меня более чем устраивает.

Оставшиеся у меня успокоительные я принимаю только в крайнем случае. Снотворное принимаю на каждый третий день, а в остальные два сплю по несколько часов. Я очень устала, но пока держусь. Благодаря терапевту из Нью-Йорка у меня есть запас таблеток, который обошелся мне в кругленькую сумму. Я пытаюсь придумать выход и экономлю таблетки с бережливостью белки, готовящейся к зиме.

На работу я прихожу в девять утра. Я всегда прихожу первой. У меня дресс-код: костюм, блузка. Это дают о себе знать годы работы в банке. В тринадцать-ноль-ноль я выхожу купить сэндвич, который потом съедаю на рабочем месте. Каждый день Кристоф приглашает меня пообедать с ним, Виктуар, Реда и – иногда – Джереми, который кажется таким же «общительным», как и я. Каждый день я вежливо отказываюсь.

По субботам я хожу в прачечную, покупаю продукты, занимаюсь уборкой, говорю с Анджелой по скайпу и вожусь с Дэвидом. По воскресеньям – изучаю французскую систему бухгалтерского учета с помощью книг, которые мне посоветовали в книжном магазинчике на площади Сен-Мишель.

Один минус: мне никак не удастся отмазаться от приветственной вечеринки. Сначала я упомянула о воображаемом визите к врачу, потом о дне рождении и новоселье. Кристоф каждый раз переносил вечеринку. В его смеющихся глазах, скрытых за хипстерскими очками, не было ни малейших следов раздражения из-за моих неприкрытых попыток саботировать

данное мероприятие. В конечном итоге я сдаюсь: мне неловко, что из-за меня встречу постоянно откладывают.

Когда Кристоф выходит из своего кабинета, я сосредоточено читаю учредительные договоры компании. Он одет в джинсы и ярко-желтую толстовку, на которой черными буквами написано: «Не мечтай о жизни, живи мечтами!»

– Вперед, эвердримеры! Вечеринка не ждет! – с энтузиазмом выкрикивает он в никуда.

– Я сейчас, – говорю я, – только устав дочитаю.

– Хорошо, только не задерживайся! Мы пока возьмем напитки.

– Тебе что-нибудь заказать, Алиса? – спрашивает Реда, поправляя бейсболку, которую никогда не снимает.

– Нет, спасибо. Я приду и сама закажу.

Они уходят, и эхо их шуточных разговоров постепенно стихает вдали.

Возвращаюсь к своему занятию. Финансовая структура компании не такая, какой я себе не представляла. Почти все акции «ЭверДрим» принадлежат Джереми, у Кристофа всего девятнадцать процентов. Решив провести небольшое расследование, выхожу в Интернет и выясняю, что раньше Джереми Миллер был старшим разработчиком в Гугле, но в последние годы он занялся бизнесом, разработал несколько проектов и инвестировал деньги в пару-тройку успешных стартапов. В статье на сайте TechCrunch написано, что разработка мобильного приложения, помогающего общаться детям с аутизмом, принесла Джереми целое состояние.

Ума не приложу, почему такой блестящий разработчик объединился с таким неудачником, как Кристоф, и почему заинтересовался «ЭверДрим», проектом, в прибыльность которого мне верится с большим трудом. Более того – без существенных доходов или привлечения новых средств компания продержится на плаву не более шести-семи месяцев. Я упомянула об этом Кристофу, но тот заверил меня: беспокоиться не о чем! К тому времени мы все будем миллионерами!

Я волнуюсь при мысли о вечеринке, которая затянется неизвестно насколько, о сюрпризе, который обещал нам Кристоф, и обо всевозможных непредвиденных обстоятельствах.

Я не умею справляться с непредвиденными обстоятельствами, не говоря уже о сюрпризах.

Выключаю компьютер и оглядываю опустевший опенспейс. Моим коллегам удалось сделать свои рабочие места по-настоящему «своими». У Виктуар на столе фотография ее парня, крем для рук, зарядка для телефона и пачка «Твикс». У Реда – кружка с надписью «Я люблю Нью-Йорк», целый ассортимент чая марки «Кусми» и блокнот «Молескин», украшенный красной наклейкой Всеобщей конфедерации труда. Виктуар с Реда ушли, но следы их присутствия остались. У меня сжимается сердце при мысли: а ведь когда-то я была творческой девушкой с настоящей целью в жизни. Разбрасывала вещи как попало, могла забыть о встрече, опаздывала, любила, мечтала, жила на всю катушку...

Вспоминаю письмо Анджелы. Сколько раз она просила меня сходить к психотерапевту или хотя бы психологу? Я хотела объяснить, что мне нужен не психолог, а священник или сам Бог, который отпустит мне грехи... но даже Анджеле я не могла рассказать всей правды. В конце концов она сама записала меня к психологу, чтобы понять причину моих панических атак и дать имя моим неврозам. Анджела оплатила три сеанса и выкроила время, чтобы сходить со мной. Она – самая уравновешенная женщина, которую я когда-либо встречала! – пыталась понять, как мне помочь. Это она объяснила, что я прибегаю к определенным ритуалам, чтобы справиться со стрессом, и что мне нужно учиться жить без них. Это она посоветовала найти дорогую моему сердцу вещь, с которой связаны приятные воспоминания, и прикоснуться к ней, когда чувствую приближение кризиса. Я выбрала браслет. Благодаря Анджеле мне стало лучше, но потом прошлое выплыло наружу, и мне пришлось бежать на другой конец света.

Анджела всегда принимала меня с распростертыми объятиями, она смогла вернуть мне то, что я потеряла: ощущение, что я – часть семьи.

– Ты закончила? Я собираюсь закрыть офис.

Подпрыгиваю от неожиданности. Джереми Миллер стоит передо мной, поигрывая ключами. Я даже не заметила, что он не ушел с остальными. После собеседования мы ни разу толком не разговаривали. Джереми направляется к выходу, и я догоняю его, на ходу застегивая пальто. Дожидаюсь, пока он запрет двери в наш опенспейс и, смущенно откашлявшись, говорю:

– Я хотела... Я хотела извиниться за свое поведение после собеседования. У меня кое-что случилось, я была на взводе... Я понимаю, что Кристоф, видимо, нанял меня без твоего согласия, но теперь мы работаем вместе, и... В общем, извини меня.

– Хорошо.

Джереми убирает ключи в карман и направляется к лифту. Я растерянно следую за ним.

– «Хорошо» в смысле «никаких обид, проехали»?

– «Хорошо» в смысле «я никогда не обижаюсь на людей за то, что они говорят, что думают. Даже если они неправы».

Теперь я понимаю, почему они с Виктуар сработались вопреки отсутствию у нее речевого фильтра.

– Значит, ты никогда не лжешь? – с любопытством спрашиваю я.

Джереми нажимает кнопку лифта и пожимает плечами:

– Я никогда не обманываю. Когда я что-то говорю, то всегда отвечаю за свои слова.

Он бесстрастно скользит взглядом по моему лицу, и у меня возникает ощущение, что он знает: я, в отличие от него, обманываю и лгу.

Мы молча идем к бару, расположенному прямо напротив «Спейса». Воздух сегодня влажный, люди сидят на террасе за маленькими круглыми столиками, установленными рядом с уличными обогревателями. Коллеги поджидают нас внутри с бутылкой вина, тарелкой сырной нарезки и мясного ассорти, стоящими на скатерти в красно-белую клетку. Как по-французски... Делаю фото, применяю к нему первый попавшийся фильтр и выкладываю в соцсетях, чтобы Анджела на той стороне Атлантики поняла: у меня все прекрасно, я поладила с коллективом. Чтобы она перестала думать, что мне нужна помощь психотерапевта.

– Садись, Алиса, – говорит Кристоф, приглашающе выдвигая табурет.

Узнаю звучащую на фоне песню и прислушиваюсь. В подростковом возрасте я знала ее наизусть. Как там звали эту группу? Не могу вспомнить...

– Алиса?

Возвращаюсь в реальность и понимаю, что Виктуар протягивает мне бокал вина. Отшатаиваюсь, задевая рукой бокал. Вино проливается на сырную тарелку.

– Прошу прощения... Я не пью, поэтому...

Чувствую на себе любопытные взгляды коллег. Ничего удивительного, учитывая мою странную реакцию.

– Вообще не пьешь? – удивленно спрашивает Виктуар.

Молча качаю головой. Реда и Джереми принимаются вытирать вино бумажными полотенцами. Следует им помочь, но я не могу, потому что, спрятав руки под столом, сжимаю тонкую цепочку браслета, как спасательный круг.

– Я тоже не пью, – мягко говорит Реда. – Заказать тебе стакан воды, Алиса?

– Да, пожалуйста.

Реда уходит, и тема разговора за столиком меняется. Слушаю краем уха. Кладу на хлеб кусочек сыра конте и впиваюсь в него зубами. Вкусно. Я чувствую, как расслабляюсь. В девять вечера Кристоф встает:

– Я оплачу счет. Время сюрприза!

– Я лучше пойду, – говорю, когда он возвращается к столику, – я немного устала и...

– Покинуть корабль? И речи быть не может! Это все равно что поддаться посредственности! Ты должна помочь нам защитить честь «ЭверДрим»!

Кристоф говорит с невиданным пафосом, но глаза его блестят, как у мальчишки на Рождество. Не проходит и четверти часа, как мы оказываемся в крохотном темном полуподвальном помещении, готовые столкнуться с худшим изобретением человечества после атомной бомбы, а именно – с караоке.

– Это паршивая идея, – говорит Виктуар.

– Вместо причитаний лучше сходи за выпивкой! – кричит Кристоф, запрыгивая на скамейку. – Предупреждаю: у меня *saturday night fever*! Пришло время раскатать эту вечеринку! Джереми, мы первые! Начинаем!

– Мечтай, – бормочет Джереми.

Реда, который сопротивлялся, но не так активно, как Джереми и Виктуар, выхватывает у Кристофа из рук каталог с песнями и восклицает:

– Ну хорошо! Я готов принести себя в жертву!

Жертва, о которой идет речь, дается ему легко. Включается первая песня, звук выкручен на полную катушку. Реда поворачивает бейсболку задом наперед. Я не знаю, куда деться. Конечности словно парализует. О том, чтобы петь, не может быть и речи.

Джереми сидит в углу, что-то печатая на телефоне, а Кристоф с Реда горланят песню Бритни Спирс «*Baby One More Time*», да еще с таким французским акцентом, что не разобрать ни слова.

– Алиса, ты следующая! – кричит Кристоф, движения которого напоминают брачный танец эпилептической курицы, наглотавшейся амфетамина.

– Нет, я не могу, я очень плохо пою...

Мои слова тонут в царящей вокруг какофонии, и никто не обращает на них внимания. Просто прекрасно. Виктуар, чье презрение к караоке испарилось после того, как она вернулась с выпивкой, включает новую песню и сует микрофон мне в руки.

– Песня «*Wonderwall*» группы «Оазис»! Только не говори, что не знаешь эту песню!

Сжимаю пальцы вокруг микрофона, после предыдущих исполнителей он горячий и липкий от пота. Звучат первые гитарные аккорды. До чего знакомые... Голова кружится. Такое ощущение, будто я упала лицом в воду. Только не эта песня! На грудь словно давит тяжесть всего мира. Микрофон выскальзывает у меня из рук.

– Мне нехорошо...

Цепляясь за остатки ясности, нахожу в себе силы выбежать из помещения. Задышавшись, поднимаюсь по лестнице и бросаюсь к двери, которая ведет на улицу. Ледяной воздух действует на меня, как пощечина.

– Вы в порядке? – спрашивает прохожий.

Не отвечая, оседаю на землю. Меня колотит дрожь. По лицу льются слезы, которых я даже не чувствую. Прикосновение к браслету не помогает. Дышать по счету не получается.

– Алиса! Что случилось, Алиса?

Голос Кристофа доносится до меня приглушенно, словно сквозь толщу воды, в которой я тону.

– Я умираю, я... нечем дышать.

Я знаю, что будет дальше: Кристоф мне не поверит. Скажет, что это все у меня в голове, что я не умру. Захочет, чтобы я встала. От осознания того, что меня не понимают, мне становится еще хуже. Воздух словно затвердел, я не могу сделать ни вдоха. Грудь горит изнутри от недостатка кислорода, легкие судорожно сжимаются. Перед глазами плывут черные пятна. Моя последняя мысль: я умру здесь, на этом незнакомом тротуаре в 3623 милях от дома...

* * *

Я находилась в полубессознательном состоянии, пока на меня не надели кислородную маску. Мешок с цементом по-прежнему давил мне на грудь, но каким-то чудом струйка воздуха просочилась в легкие. Я была в машине скорой помощи, Кристоф сидел рядом. В своей желтой толстовке он казался особенно бледным.

Что случилось дальше, вспоминается с трудом – то ли потому, что я была в шоке, то ли потому, что мне дали успокоительное. Не знаю. Меня привезли в больницу и направили к психиатру, который задавал стандартные вопросы. У меня уже были панические атаки? Когда они начались? Как часто случаются? Сильные ли? Принимаю ли я какие-либо лекарства? Не хочу ли пройти курс терапии?

Мои ответы были относительно правдивыми и достаточно реалистичными, чтобы уйти с рецептом. Я положила его в бумажник с большей осторожностью, чем купюру в пятьсот евро, и выбросила в первую же мусорную корзину номер психотерапевта, с которым обещала связаться. Меня отпускают около семи утра. Выхожу в серый больничный коридор, по которому суетливо снуют люди в белых и зеленых халатах, и натыкаюсь на Кристофа. Синие круги под глазами и растрепанные сильнее обычного волосы прекрасно иллюстрируют его тревогу. При виде меня он резко встает:

– Алиса! Ты в порядке?

Я одновременно и тронута, и смущена тем, что Кристоф ждал меня здесь всю ночь.

– Да-да... тебе не следовало оставаться. Я в порядке. Всего лишь небольшая паническая атака. Со мной такое редко.

– О... это хорошо....

Кажется, Кристоф не знает, что ответить. Он нервно проводит рукой по волосам, вздох-мачивая их еще сильнее.

– Есть кто-нибудь... Кто-нибудь, кто может приехать за тобой?

– Я возьму такси.

Кристоф молчит.

– Мне очень жаль, что я доставила столько неудобств, – продолжаю я. – Я буду на работе не позже девяти.

Он колеблется, явно подыскивая слова, и от тревоги у меня пересыхает в горле. Я на испытательном сроке. Вдруг сейчас меня уволят? Кто захочет работать с человеком, который слетает с катушек, слышав песню «Оазис»?

– Вчера была пятница, – говорит Кристоф. – Сегодня не нужно приходить на работу. Тебе явно требуется отдых. Пойдем, я отвезу тебя домой.

– О, не стоит, правда. Я...

– Это приказ, Алиса, – отрезает он.

В понедельник прихожу на работу ни свет ни заря. Это лишнее, но я ничего не могу с собой поделать, потому что ужасно нервничаю. Это ж надо было устроить истерику на глазах у коллег! Тот единственный раз, когда кризис настиг меня на работе, стоил мне той самой работы. Я всегда строго разделяла личную жизнь и работу и не общалась с коллегами – только с Анджелой, которая сидела за соседним столом...

Джереми, Кристоф и Реда прибывают один за другим и здороваются коротким «Привет, как дела?». Как и каждое утро. Вот только короткая пауза, сопровождаемая пытливым взглядом, позволяет предположить, что сегодня этот вопрос не риторический. Я как ни в чем ни бывало киваю. Виктуар немного более навязчива.

– Как поживаешь, Алиса? – спрашивает она, складывая самокат. – Когда тебя выписали?

– В субботу.

– У моей подруги тоже были панические атаки. Хочешь, узнаю номер ее психотерапевта? Он ей очень помог, да и красавчик к тому же. Похож на Джона Сноу из «Игры престолов».

Пока я подыскиваю слова, чтобы объяснить, что у меня нет ни малейшего желания рассказывать о своих проблемах двойнику Джона Сноу, из кабинета выходит Джереми:

– Виктуар, ты сделала модуль загрузки фото, про который я тебе говорил?

У меня в голове мелькает мысль: «А может, Джереми сейчас специально пришел, чтобы положить конец этому неловкому разговору?»

Виктуар небрежно отвечает:

– Нет, я хотела попробовать по-своему, но ничего не получилось. Надо было тебя послушать.

– Да неужели! – вздыхает Джереми. – Иди сюда, я покажу, что делать.

К моему облегчению, Виктуар встает, берет под мышку ноутбук и исчезает в стеклянном кабинете.

– Я хочу предложить Крису создать список наших контактных лиц на экстренный случай, – серьезно говорит Реда. – Он согласился сделать меня представителем работников предприятия, поскольку других желающих не нашлось. Теперь я должен позаботиться о том, чтобы все чувствовали себя в безопасности. – Он наклоняется ко мне и доверительным тоном добавляет: – Обязательно сообщи, если на работе у тебя возникнут какие-либо проблемы – например, профессиональное выгорание или психологическое давление. Я сообщу руководству.

Благодарю Реда. Он предлагает мне пообедать с остальными. Вежливо отказываюсь, спускаюсь, чтобы купить себе бутерброд, и съедаю его за столом, пока пишу письмо Анджеле, в котором не упоминаю о своем пребывании в больнице.

Прислушавшись к совету Реда, Кристоф поручает мне составить список контактных лиц каждого члена нашей команды.

– Реда прав, – заявляет он. – Это отличная идея.

Никак не комментируя эти слова, рассылаю всем сотрудникам электронное письмо с просьбой сообщить номер своего контактного лица. Потом создаю таблицу с именами в первом столбце. Коллеги отвечают мне так быстро, что у меня сжимается сердце. Люди не осознают, насколько это ценно – знать, что в случае беды кто-то обязательно придет на помощь. Смотрю на пустую строку напротив своего имени. Она как будто насмехается надо мной. Я понимаю, что вписывать туда Анджелу абсурдно, учитывая, что та живет за тысячи миль отсюда. Но что делать, если кроме нее у меня больше никого нет?

До чего же я жалкая.

Раньше я всегда была окружена людьми. Мой телефон трезвонил не переставая, я развлекалась и никогда не сидела дома. Если я забывала ключи, мне всегда было у кого переночевать. Это было само собой разумеющимся. Никто не предупреждал меня, что я могу потерять своих близких. Закрываю таблицу, решив отложить проблему на потом, достаю из сумки несколько монет и направляюсь к кофемашине, где натыкаюсь на Реда, созерцающего выбор напитков.

– Я простудился после караоке, – объясняет он, нажимая на «капучино». – Думаю, в пятницу я возьму больничный.

На нем темная водолазка, подчеркивающая его темные глаза. Я указываю на кепку с логотипом «Нью-Йорк Янкис», которую он никогда не снимает, и спрашиваю:

– Любишь бейсбол?

Нужно же как-то поддержать разговор! К тому же его кепка всегда вызывает у меня ностальгию по Штатам.

Реда непонимающе смотрит на меня в ответ:

– Вообще-то я предпочитаю баскетбол...

– Но... а как же твоя кепка? Ты же знаешь, что написанные на ней буквы «N» и «Y» – это логотип бейсбольной команды «Нью-Йорк Янкис»?

– Нет, – удивленно отзывается Реда. – Я думал, они означают «Нью-Йорк»!

После этих слов он разражается смехом. Я улыбаюсь и засовываю монету в прорезь автомата.

– Я давно хочу съездить в Нью-Йорк, – признается Реда. – На самом деле, я всегда мечтал жить в Америке. Ты скучаешь по Америке?

Мне следует вернуться на рабочее место и закончить дела, но я невольно вздыхаю и говорю:

– Да, очень.

– По чему больше всего?

Беру стаканчик кофе и делаю глоток, размышляя над вопросом. В следующую секунду слова слетают с языка сами собой, слово мои эмоции только и ждали этого вопроса, чтобы вырваться наружу:

– По английской речи, по звуку нью-йоркских сирен... Скучаю по еде, по фильтрованному кофе, который вы здесь называете «бурдой», по хот-догам за доллар, которые можно купить на каждом углу, по бейглам, которые я съедала перед работой, по макаронам с сыром... Они, конечно, не бог весть что, но напоминают о детстве...

– Здесь тоже есть бейглы...

– Но не настоящие нью-йоркские бейглы, которые сначала отваривают и которые идеально подходят к сливочному сыру! В Париже бейглы делают без ничего или с маком. Я люблю с корицей и изюмом, но таких здесь нет.

Реда выбрасывает опустевший стаканчик в мусорное ведро, и я понимаю, что тоже допила свой кофе.

– А ты не хочешь... Не хочешь поговорить со мной на английском? – внезапно спрашивает он. – Знаю, во время обеденного перерыва ты обычно работаешь, но можно было бы устраивать кофе-брейки и десять минут болтать по-английски... Сомневаюсь, что мой ужасный акцент напомнит тебе о доме, но мне очень нужна практика, и я не могу позволить себе уроки... Это все равно что перекур... только без сигареты.

Мне бы следовало немедленно отгородиться от него колючей проволокой, но я ужасно соскучилась по английской речи, поэтому после некоторого молчания отвечаю:

– Хорошо.

Его лицо освещает улыбка ребенка, которого позвали есть мороженое.

– Отлично! В какое время тебе удобно?

Пожимаю плечами.

– Не знаю... Часа в четыре?

– Отлично! Дай «пять»!

Ошарашенно хлопаю по поставленной мне ладони, после чего Реда завершает наш разговор непонятной фразой на английском языке, что, учитывая наши планы, меня несколько беспокоит...

Дневник Алисы

Лондон, 29 ноября 2011 года

Привет, Брюс!

Давненько я тебе не писала... После выхода на работу у меня почти не остается свободного времени. Зато я больше не тухну дома и не веду задушевные разговоры с тестами на овуляцию. До чего же это здорово! Открою тебе постыдную тайну, Брюс: мне нравится работать с финансами. Вбивать цифры в поля экселя... есть в этом что-то успокаивающе-медитативное. Конечно, я стараюсь лишний раз не рассказывать о своей страсти, потому что это все равно что кричать на каждом углу о своей любви к луковым кольцам на завтрак. Так же несексуально.

Я пишу тебе из Грин-парка. Иногда я гуляю здесь после субботних занятий йогой. Сейчас я смотрю, как дети бегают по опавшим листьям, пока Селин Дион у меня в наушниках кричит: «All by myself». Оливер категорически отказывается сопровождать меня на этих прогулках под предлогом, что я упиваюсь жалостью к себе и не хочу видеть плюсы ситуации.

Оливер из тех людей, которые, услышав, что ты поскользнулся на собачьих какашках и переломал себе все конечности, с широкой улыбкой ответят:

– Зато в инвалидной коляске ты будешь проходить без очереди!

Оптимизм – это прекрасно. В теории. На практике он начинает меня раздражать.

Я наблюдаю, как дети ссорятся, играют, падают и бегут к мамам, рассказывая о том, что поранились. Иногда к моим ногам подкатывается мяч, я возвращаю мяч ребенку и ловлю на себе благодарную улыбку его мамы.

Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Брюс. Ты думаешь, что я смешна. Возможно, ты в чем-то прав.

Вчера вечером мама позвонила мне по скайпу. Они со Скарлетт поссорились черт знает из-за чего, и мама выглядела уставшей. Она обронила одну странную фразу:

– Возможно, я поступала неправильно, но со Скарлетт всегда было так тяжело, а с тобой – так легко... К тому же ее улыбка напоминала мне о твоём отце. Все эти годы Скарлетт была ежедневным напоминанием о том, что меня бросили. Мне тоже было непросто.

Да, обычно жизнь сложнее, чем кажется. Скарлетт всегда плохо училась – с первого класса и пока не бросила школу в семнадцать лет. Не знаю почему, ведь она была умнее большинства сверстников. Нас разделяло меньше одиннадцати месяцев, и мама вела себя так, будто мы одногодки.

Говорят, дети, в которых вкладывают душу, добиваются больших успехов, чем остальные. Я не соглашусь. Думаю, Скарлетт стала активной и находчивой именно потому, что мама уделяла ей меньше времени, чем мне. Скарлетт росла, пытаясь узнать то, что я уже знала, потому что не хотела от меня отставать. Я заговорила раньше, но свое первое слово Скарлетт сказала в девять месяцев, а первые шаги сделала через пять месяцев после меня. Ей не исполнилось и четырех, а она уже умела читать. Мама без труда убедила воспитательницу взять Скарлетт в детский сад одновременно со мной, хотя теоретически та должна была пойти в детский сад только в следующем году. Но мама работала день и ночь, пытаясь свести концы с концами, поэтому ей было удобнее, чтобы и в школу мы пошли одновременно.

Скарлетт росла в окружении детей постарше, что все время подгоняло ее вперед. Она была необычайно любознательной и интересовалась всем на свете. У нее было больше свободы, чем у меня. Иногда она часами каталась на велосипеде или, как сама говорила, «исследовала округу». Еще в начальной школе Скарлетт прогуливала школу, чтобы посчитать время прилива или понаблюдать за тем, как рыбаки ловят омаров. Она нарушала всевозможные запреты и совершала множество глупостей, но всегда выходила сухой из воды – благодаря своим так называемым «fucking good plans» (это одно из немногих выражений, которые она говорила

по-английски; между собой мы обычно общались на французском). Она делала кучу ошибок в диктантах, но запоминала бесчисленное количество совершенно бесполезной информации, такой как продолжительность жизни жука, рецепт пад тай и возраст Патрика Суэйзи.

Она проявляла интерес к тому или иному занятию, бралась за него с горячим энтузиазмом, но через несколько недель остывала и бросала. Мама всегда называла меня творческой личностью, но это у Скарлетт от природы было развитое воображение.

Лет до восьми-девяти я много рисовала. Мама меня хвалила. Думаю, у меня и правда были какие-никакие способности. Даже сегодня я с легкостью нарисую пейзаж несколькими штрихами карандаша. Скарлетт не любила рисовать. Ей не хватало терпения. Почти каждую субботу я клала в ранец альбом и карандаши, мы со Скарлетт седлали велосипеды и ехали к заливу Наррагансетт, который желтел полосой пляжа в нескольких милях от дома (в те времена детям не приходилось отправлять родителям свою геолокацию каждые три минуты на случай, если их похитит маньяк). Я рисовала, устроившись на террасе «Пляжного кафе» – нелепой деревянной хижины, стоящей между черных камней в отдаленном уголке пляжа, который покрывали выброшенные на берег ракушки. Ее владелец Джимми (до сих пор не знаю его фамилии), высокий, широкоплечий мужчина, похожий на плюшевого мишку, каждый високосный год красил стены в ярко-бирюзовый цвет. Под натиском солнца, соленой воды и суровых род-алендских зим стены выцветали и через четыре года становились пастельно-голубыми. Краска отслаивалась, и казалось, что белый песок покрывают маленькие кусочки неба...

За исключением июля и августа, когда «Пляжное кафе» было переполнено отдыхающими, Джимми позволял мне садиться за свободный столик, хотя из-за отсутствия денег я никогда ничего не заказывала. Пока я рисовала, Скарлетт в любое время года опускала ноги в воду и собирала ракушки. Обычно ее было тяжело удержать на одном месте, но она могла часами сидеть на песке, глядя на воды Атлантического океана. Иногда я садилась рядом и внимательно смотрела на волны, пытаясь понять, что в них интересного. Я так и не поняла.

Дождь нас не останавливал – мы просто накидывали дождевики и крутили педали медленнее, потому что тормоза работали хуже. Однажды в конце октября хлынул настоящий ливень. Джимми заставил меня войти в кафе, а сам отправился на пляж – искать Скарлетт. Ему пришлось пообещать ей горячий шоколад, чтобы уговорить пойти с ним.

Мы были единственными посетителями. Джимми поставил перед нами две большие красные кружки с горячим шоколадом, покрытым взбитыми сливками и маленькими зефирками – согласно меню, такие стоили по три доллара за штуку.

– За счет заведения! – объявил Джимми своим громоподобным голосом, в котором звучало столько доброты, что он никогда никого не пугал.

Я поделилась со Скарлетт карандашами и альбомным листом, мы потягивали горячий шоколад и рисовали, пока дождь не стих. Я до сих пор помню ее удивленную улыбку и длинные влажные ресницы, которые затрепетали от удовольствия, когда она поднесла к губам красную кружку. Я помню, как вода капала с ее волос на розовый свитер с широким вырезом. Скарлетт всю жизнь донашивала за мной одежду. Она всегда была немного меньше меня, и мама считала, что покупать ей новые вещи – напрасная трата денег.

Потом Скарлетт показала мне свой рисунок, на котором был изображен пляж Наррагансетт, но с голубым песком и розовым небом, украшенным воздушными змеями. А на месте кафе находился величественный дом с башней и верандой.

– Что это за дом? – удивленно спросила я.

Мои рисунки соответствовали реальности вплоть до мелочей, мне и в голову не приходило изобразить то, чего не существует.

– Я построю его, когда разбогатею, и подарю маме. Там будет огромный игровой зал и бассейн с шариками, его мы поставим в нашей комнате. А еще горка, ведущая прямоком на кухню. И мы будем есть блинчики каждый день!

– В таком большом доме у каждой из нас могла бы быть отдельная комната, – заметила я. Задумавшись, Скарлетт пожевала кончик цветного карандаша и непреклонно ответила: – Нет, я хочу спать с тобой.

Вечером, когда мы вернулись домой, промокшие после езды на велосипеде, мама отправила нас в горячий душ. Потом я пришла на кухню, откуда доносился дразнящий запах макарон с сыром. Мама внимательно рассматривала рисунок Скарлетт.

– Чудесный рисунок, – сказала она и выглядела по-настоящему впечатленной. – Розовое небо, замок на берегу... Это один из лучших твоих рисунков, Алиса. Думаю, его следует вставить в рамочку.

Несколько секунд я ошарашенно молчала, а потом выхватила рисунок у мамы из рук.

– Нет, не надо!

Я положила его в альбом, рядом со своим рисунком, на который мама даже не взглянула, и пошла наверх, хмурая и сердитая донельзя.

Когда я вошла в нашу комнату, Скарлетт расчесывала мокрые волосы.

– Алиса, сегодня был лучший день в моей жизни! Я так люблю океан во время дождя...

При виде ее сияющей улыбки я устыдилась своей мелочности.

– Да, было здорово. А мама сказала, что твой рисунок очень красивый.

Лицо Скарлетт посветлело, и от радости она выпустила прядь, которую пыталась распутать.

– Правда? Ты сказала, что этот дом для нее? – с надеждой спросила она.

– Нет, я подумала, вдруг ты хочешь сделать ей сюрприз, – пробормотала я, чувствуя, что краснею.

Я убрала альбом с карандашами на полку и больше никогда к ним не притрагивалась. Думаю, я хотела наказать себя за то, что помешала маме вставить рисунок Скарлетт в рамку. Я по сей день виню себя за то, что лишила свою младшую сестренку той крохи нежности, которой мама ненароком ее одарила.

* * *

Я жду уже сорок три минуты. К счастью, я взяла с собой ноутбук и теперь нервно стучу по клавишам, пытаюсь не обращать внимание на тиканье часов. В конечном итоге я сдалась под напором Анджелы и согласилась встретиться с Сараньей, ее двоюродной сестрой, телефон которой она прислала. Спорить с Анджелой, когда она что-то вбила себе в голову, – все равно что учить столетний дуб играть на укулеле. Попытаться, конечно, можно, но толку... Моя цель – попросить у Сараньи разрешения указать ее своим контактным лицом на случай, если со мной что-то случится. Вот и все. Мне нужны не друзья, а организованная, размеренная жизнь. Нельзя привязываться к людям, к местам, к прошлому. Я должна защитить себя, окружить себя колючей проволокой, которая отпугнет любого, кто захочет приблизиться. Мне достаточно Дэвида; по крайней мере, он никогда меня не осудит и не бросит. Если Саранья предложит встретиться снова, я скажу, что у меня много работы. Проблема решена.

Кузина Анджелы назначила мне встречу в маленькой чайной на улице Розье, в самом центре Марэ. Я добралась сюда пешком: сделала крюк, чтобы прогуляться по живописным берегам канала Сен-Мартен, и, поскольку вышла сильно заранее, успела пройти по вымощенным булыжником узким улочкам самого романтического района Парижа, где, как и полагается американской туристке, мечтаю однажды жить.

Я сижу в чайной. На улице царит оживление, и со своего места я вижу, как прохожие останавливаются перед витринами разных магазинчиков. Меня окружают большие кожаные кресла, которые соседствуют с разномастными кухонными стульями, и такие же разномастные столы, ни один из которых не похож на соседний. Стены увешаны старыми рекламными объ-

явлениями и пожелтевшими страницами «ELLE» пятидесятих годов. Наверное, все это придает чайной старомодное очарование – и ощущение неряшливости, которое ужасно меня беспокоит.

Пытаясь отвлечься, смотрю на витрину, заставленную фарфоровыми тарелочками с аппетитными сладостями. Вижу лимонный пирог с толстым слоем безе, за который без колебаний продала бы душу. На небольшой табличке, свисающей над витриной, мелом написано: «У нас только домашние торты» и ниже: «Жизнь коротка. Не откажите себе в десерте!» Стоит кому-то из посетителей подойти к столику, как мужчина лет пятидесяти, вооруженный ножом, лопаточкой и розовым фартуком, рассказывает, какой торт с чем. Потом отрезает посетителю кусочек от выбранной сладости и с энтузиазмом делится рецептом.

Дверь открывается, и звон колокольчика сопровождает появление девушки индийского происхождения. Мужчина с лопаточкой в приливе энтузиазма осыпает одного из посетителей сладким дождем из песочного печенья и безе, но тот разговаривает по телефону и ничего не замечает.

– Здравствуй, ангел мой!

– Привет, Леон!

Я собираюсь подать девушке знак, но не успеваю.

– Я ищу Алису! – громко объявляет она, заставляя всех посетителей вздрогнуть.

Ошарашенная таким вступлением, я, как школьница, поднимаю руку. Меня на долю секунды опередила юная девушка лет двадцати, которая удивленно отозвалась на «Алису». Саранья бросается к ней, на ходу бодро извиняясь перед остальными посетителями. Саранья совсем крошечная, несмотря на высокие каблуки, но улыбка, которая освещает ее лицо, согревает все вокруг.

Она расстегивает пальто и начинает разматывать трехкилометровый бежевый шарф крупной вязки, обмотанный вокруг ее шеи, одновременно выпаливая на полной скорости:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.